

Ленский Сергей

первая половина 80-х прошного века

Жизнь в пролет

(эпизоды)

18+

Сергей Ленский
Жизнь в пролет (эпизоды)

https://litres.ru/74716163
SelfPub; 2026

Аннотация

Первая половина 80-х. Школьные годы.

Эти три года молодости оставили неизгладимый след на всей моей дальнейшей судьбе. Они перевернули мой взгляд на окружающий мир, лишив меня детской прямоты и наивности. Растоптали мои подростковые идеалы и безвозвратно разрушили веру в людей, которым я доверял.

Теперь оглядываясь на прошлое через увеличительное стекло прожитых лет, я удивляюсь, как, пройдя этот путь, сумел сохранить человеческий облик, а не сорвался в бездну, подобно многим моим друзьям и товарищам того времени.

Но этот период принес в мою жизнь не только боль и обиду. Я научился быть преданным и сполна испытал страсть и любовь. Безмерно признателен за это девчонкам, с которыми был близок в то время. Благодарю их за то, что они бескорыстно дарили мне безграничную нежность и не скрывали свои сокровенные чувства. Я отдавал им себя без остатка и с лихвой получал взаимность в ответ. До сих пор вспоминаю их с теплотой и надеюсь, что у них все сложилось как надо.

Содержание

Восьмой класс. 198х год. 7
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Сергей Ленский
Жизнь в пролет (эпизоды)

Оглавление

Восьмой класс. 198х год.
Девятый класс. 198х год.
27 августа. Среда.
28 августа. Четверг.
29 августа. Пятница.
30 августа. Суббота.
31 августа. Воскресенье.
Десятый класс. 198х год.
1 сентября. Понедельник.
2 сентября. Вторник.
3 сентября. Среда.

Эти три года молодости оставили неизгладимый след на всей моей дальнейшей судьбе. Они перевернули мой взгляд на окружающий мир, лишив меня детской прямоты и наивности. Растоптали мои подростковые идеалы и безвозвратно разрушили веру в людей, которым я доверял.

Теперь оглядываясь на прошлое через увеличительное

стекло прожитых лет, я удивляюсь, как, пройдя этот путь, сумел сохранить человеческий облик, а не сорвался в бездну, подобно многим моим друзьям и товарищам того времени.

Но этот период принес в мою жизнь не только боль и обиду. Я научился быть преданным и сполна испытал страсть и любовь. Безмерно признателен за это девчонкам, с которыми был близок в то время. Благодарю их за то, что они бескорыстно дарили мне безграничную нежность и не скрывали свои сокровенные чувства. Я отдавал им себя без остатка и с лихвой получал взаимность в ответ. До сих пор вспоминаю их с теплотой и надеюсь, что у них все сложилось как надо.

Несмотря ни на что, посвящается это тем, кто тогда шел со мной по жизни бок о бок. Каждому лично и целиком нашей банде.

***

Раннее утро поздней весны никого не спрашивает и забирается легкой прохладой под старое ватное одеяло и сквозь его теплую негу пробегает мурашками по спине.

Солнечный луч сочится сквозь неплотно закрытую штору, рассекает пополам темно-серую дымку комнаты и разбавляет остатки ночи оттенками золотого.

Расслабленное тело пытается скинуть с себя сладковатую дрему и оповещает об этом легким покалыванием пальцев в затекшей руке.

Сознание пока блуждает по закоулкам ночных сновиде-

ний, но звуки из окна начинают несмело вплетаться в эти иллюзии и стремятся вернуть разум к реальности бытия.

Мозг еще дремлет, но в него уже осторожно проникают ароматы яичницы с колбасой и печеных гренок вымоченных в молоке.

Оглушительно сигналит будильник: он безжалостно пытается меня разбудить и дает своим перезвоном бесспорную фору приходящему дню.

В мир врывается новый день. Безоговорочно и неумолимо. Без анонсов и суеты.

За окном весна на исходе. Она все настойчивее напоминает о скором наступлении лета. Сверху все сильней пригревает. Вокруг царят пестрые краски и ароматы природы, которая пробудилась ото сна и входит во вкус. Пыль еще не легла блеклой поволокой на яркую зелень у обочин дорог, а солнце не пожухло траву на лужайках и в скверах. Картинка радует глаз, пробуждая радость и трепет.

Предстоит суета, которая связана с экзаменами и чередою контрольных. Но эта суматоха не может навеять тоску, хотя она и успела всей тяжестью школьной программы лечь на мои неокрепшие плечи. Ожидание конца учебного года лишь усилило радость от осознания того, что скоро никуда не нужно будет спешить. Мои мысли теперь уже в лете. Туда их увлекают фантазии о приключениях на предстоящих каникулах. Осталось чуть-чуть, а там выпускной.

Восьмой класс. 198х год.

Школа стала для меня обычной спокойной рутиной. Это случилось в восьмом классе, в начале учебного года. В целом, в процессе обучения мало что изменилось, но он пошел легче и перестал меня тяготить. Как и раньше, я почти всегда присутствовал на уроках. Иногда, когда прижимало, делал домашку и даже тянул небольшую нагрузку по общественной линии. Я пытался проявлять интерес на занятиях и не напрягать преподов по пустякам, был с ними вежлив и даже учтив.

Возможно, причина этих реформ моего бытия крылась в том, что я прекратил думать о школе, как о чем-то враждебном. Теперь это был просто фон, часть моей повседневности, которая принималась без лишних эмоций и без напряга. Из источника стресса учеба превратилась в заурядное дело, которое можно выполнять почти машинально.

Эта метаморфоза принесла с собой понимание, что идти учиться на рабочую специальность я не хочу, а для поступления в ВУЗ надо одолеть десять классов. Впереди оставалось еще девять месяцев, чтобы выбрать, но уже первого сентября было ясно: этот учебный год в школьных застенках для меня не последний, а для перехода в следующий класс необходимо создать минимальный запас по хорошим оценкам.

Три года за школьной партой замаячили у меня в перспек-

тиве. Неприязни к этому не было, но появилась легкая зависть к тем, кто уже следующим летом отправится поступать в ПТУ или техникум.

Учеба всегда мне давалась без особых усилий, но моя фотография никогда не висела на стенде отличников, да и хорошистом меня трудно было назвать. Наверное, отсутствие строгого надзора от предков и врожденная лень не позволяли добиваться ощутимых успехов. Однако логический склад ума и смекалка не давали скатиться в ряды недоумков и неучей. Мой дневник пестрел оценками всех достоинств. Я давно решил для себя: если на что-то не можешь влиять, лучше отпустить и забыть, или как еще говорят: расслабиться и получать удовольствие.

***

С началом учебного года произошли и другие события, которые изменили мою привычную жизнь.

В середине сентября, когда понимание того, что каникулы безвозвратно канули в Лету, уже прижилось, а учеба еще не успела набрать обороты, на одном из уроков дверь нашего класса открылась, и директриса ввела какого-то пацаненка. Они прошли между парт и остановились у классной доски.

«Здравствуйте. Это Иванов. Зовут Виктор. Теперь он будет вместе с вами учиться. Надеюсь, вы примете его хорошо и поможете ему влиться в ваш сплоченный коллектив. Прошу любить и жаловать вашего нового товарища по учебе»,

– скороговоркой представила она новичка. Потом как-то подурацки улыбнулась, неловко поклонилась и быстро ушла, а Иванов остался стоять в одиночестве под нашими любопытными взглядами.

Мы внимательно изучали нового персонажа, который негаданно нарисовался в нашем тихом болоте. При взгляде на него, первое, что мне пришло на ум – "цыганенок". На ногах стоптанные, изрядно поношенные ботинки со сбитыми носами. Эти башмаки никто никогда не чистил. Школьная форма сильно выцвела, и ее давно не стирали, а рукава пиджака и брюки у щиколоток уже коротки. Сумка на плече тоже не первой свежести; сделана из дерматина, который устал от времени и потрескался на обтертых швах. На лопоухой голове примостилась копна темных волос в неопрятной прическе с длиной на грани школьной морали. Вишенка на торте - смугловатая кожа, которая подчеркнула цыганские нотки этого образа.

Не могу сказать, что наш класс являл собой собрание детей сливок местного общества. Даже по меркам нашего захолустья мы были самыми обычными, ничем не примечательными подростками. Вряд ли вид нового одноклассника мог кого-то из нас по-настоящему озадачить. После особенно бурных перемен мы и сами выглядели примерно так же. Однако в нем было нечто, что выбивалось из привычного общего ряда: какая-то нелюдимость и замкнутость. Но при этом его большие темно-карие глаза излучали открытость и

добродушие. Казалось, он был глубоко замкнутым в себе, но в то же время весь на распашку.

Класс встретил новичка без особых эмоций. Никто не пытался его задеть или унизить, однако предлагать помощь или дружбу тоже никто не спешил. Небольшой клан заумных зазнаек его не видел в упор: достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что птица не их полета. Задиры и забияки пока присматривались и не лезли к нему. Они опасались

его диковатости. И хотя на вид он был довольно спокойным, было ясно, что при необходимости, сумеет дать отпор и постоять за себя. Нейтральное большинство, как ему и положено, соблюдало нейтралитет и безразличие. А Иванов не пытался к кому-то примкнуть и держался сам по себе, но не избегал одноклассников и поддерживал разговор, когда в этом возникала потребность. Принимал участие в беззлобных замесах на переменах и ходил с другими мальчишками курить в туалет и за школу.

Учителя не слишком его загружали, давая время привыкнуть к новым условиям. Или подчинялись иному хитрому плану, известному только им. На уроках почти не спрашивали, индивидуальных заданий не назначали и за ошибки в тетрадях не упрекали. Он обладал негласным иммунитетом, пользовался им в полной мере и не особо старался это скрывать. Вместе с тем все понимали, что так будет не вечно.

Нечастые проявления его учебной активности редко давали педагогам возможность ставить в журнал хоть что-то приличное, хотя они очень старались. Со временем стало ясно, что, когда статус Иванова сравняется с общим по классу, он быстро скатится в число двоечников и лоботрясов, которые стремятся хоть как-нибудь дотянуть до конца этого учебного года, чтобы получить свидетельство об окончании школы и поступить в ПТУ.

Новичок без каких-либо потрясений вполне безболезненно вписался в интерьер нашего класса и в течение следую-

щих пары месяцев, ожидаемо, занял место в кластере двоечников и профанов. При этом, он исправно тянул свою лямку и старался не влипать в неприятности.

Мы быстро привыкли к его неопрятному виду, прекратили употреблять слово "новенький" и сами не заметили, как заменили его на "Иваныч", которое прилипло производной от его фамилии.

При этом мы не знали об Иваныче ничего, кроме того, что он прежде жил в таком же, как наш, захолустном районном центре, только на другом конце области. Он не делился информацией о себе, а мы сами, сказать по правде, особого интереса к его персоне не проявляли. Наш класс никак не походил на сплоченный коллектив, коим его представляла школьная директриса. Мы не искали поводы для единения, а лишь стремились не лезть в душу друг к другу, по возможности соблюдая чужие границы. Почти никто ни с кем не дружил, за исключением трех-четырех человек, которые жили рядом и сблизились лишь потому, что годами вместе ходили в школу. Всем остальным было до лампочки, как их одноклассники проводят свободное время.

***

Наш городок ничем не выделялся среди сотен других неприметных райцентров с полусотней тысяч человек населения. В пределах города располагалось несколько небольших маловажных заводов, а достаточно развитый агроком-

плекс вынесли далеко за его границы. Несколько ресторанов и кафе имели неприглядный зачуханный вид, а в обшарпанном кинотеатре и такого же вида ДК не проводилось сколь-либо значимых мероприятий.

Населенный пункт жил своей неспешной, размеренной жизнью, где каждый новый день почти не отличался от предыдущего. Улицы хранили следы бесконечных ремонтов, которые напоминали скорее латание дыр, чем полноценное обновление. Дома, которые большей частью строились несколько десятилетий назад, теснились вдоль неухоженных улиц. Их фасады давно облупились, а выцветшие балконы наглядно свидетельствовали о равнодушии владельцев к эстетике. Там, где еще сохранялись ветхие частные сектора, каждый домик, при всей своей внешней неповторимости, все же сливался с соседними в единую серую массу.

Транспортная система с трудом справлялась с перевозкой большого числа пассажиров представляя из себя несколько маршрутов дряхлых автобусов, которые дребезжали на каждой кочке и имели все шансы на доехать до конечного пункта. Машины такси были в наличии, но особого успеха они не имели. В магазинах, которые разбросали по городу, был стандартный набор товаров без изысков и разнообразия.

Местные жители в основном работали в госучреждениях, на тех самых заводах или в сельском хозяйстве. Многие, особенно молодежь, стремились уехать в более крупные города, где видели больше перспектив и возможностей. Те же, кто

оставался, привыкали к этой тихой, предсказуемой жизни и находили в ней свои нехитрые радости и утешения. Главные государственные и народные праздники отмечались с размахом и являли собою события, способные хоть как-то нарушить однообразие повседневной реальности.

В общем, городок был типичным представителем не очень глубокой провинции со всеми ее достоинствами и недостатками. Он не был готов к переменам и не следил за прогрессом, а просто существовал медленно и неотвратимо в своем собственном ритме, где время, казалось, текло немного иначе, чем во Вселенной.

Для подрастающего поколения существовали музыкальная и художественная школы. В восьми общеобразовательных практиковались кружки по интересам типа "Моделист-конструктор" и "Тайны кройки и шитья".

В придачу к ним имелось четыре стадиона, которые сквозь силу пытались развивать стандартный набор заурядных спортивных секций и соперничали между собой в захудалости. В городке также имелось несколько библиотек.

Возможно, я что-то и упустил, но маловероятно, поскольку по мере взросления, посещал практически все, что было доступно на тот момент. Исключением стала музыкальная школа, о чем впоследствии не раз сожалел.

Я собирал и клеил самолетики, рисовал кружочки с конусами и вазы с ромашками, писал тушью плакаты, наматывал круги по стадиону в шиповках и по лесу на лыжах, стоял в

хоккейных воротах, прыгал в спортивных трусах по боксерскому рингу и сам по руководству научился вязать на спицах.

И это не все. Полный перечень своих интересов вряд ли смогу воссоздать. Я стремился все охватить, но бросал очередное занятие и переходил к следующему, как только осознавал, что для достижения цели требуется природный талант, либо значимые усилия.

Та осень тоже принесла мне разочарование, но, увы, оно не было связанно с моей одаренностью и усердием.

***

Я с нетерпением ждал зимы, чтобы вновь вернуться к занятию, которое увлекло меня в предыдущем сезоне. Я открыл для себя горные лыжи. Именно горные, хотя большинство моих земляков видели горы лишь в кино и на фото. С недавних пор у нас районе культивировали два вида спорта совершенно нехарактерные для нашей местности: горные лыжи и прыжки с трамплина. Для последних даже построили огромный профессиональный трамплин неподалеку от города, а для первых смастерили несколько примитивных подъемников на склонах самых приличных местных холмов. С моей нелюбовью к высоте, я сразу забыл про прыжки с трамплина, а вот горные лыжи вызвали у меня живой интерес.

Эту секцию возглавляли три тренера. Двое из них были родными братьями, и именно им принадлежало преимуще-

ство при отборе соискателей в свои группы и в распределении более добротного инвентаря. Третья группа существовала лишь первый год. Она комплектовалась и обеспечивалась по остаточному принципу.

Я попал в третью группу, поскольку о секции узнал поздно, и никаких достижений в этом виде спорта у меня еще не было. Я быстро освоился и всего за несколько занятий научился неплохо кататься. Круче меня в нашей третьей команде катался только один паренек. Он два сезона провел в группе у братьев, потом его оттуда поперли за какие-то пре-

грешения, но лыжи с ботинками у него были не чита тем, что выдали мне. При этом у нас я шел следом за лидером и понимал, что способен стать лучшим. Ребят из параллельных групп можно было не считать за соперников, поскольку они тренировались в другое время, и мы с ними никогда не встречались. Я всеми силами стремился к цели, которую себе обозначил.

Горные лыжи в том году настолько меня увлекли, что я не заметил, как завершилась зима, и их пришлось поставить в "чулан" – так называли склад нашей секции, где хранился весь инвентарь. Потом всю весну мы собирались в спортзале ближайшего стадиона: выполняли разнообразные упражнения и играли в футбол для поддержания формы. Когда же пришло лето и настали каникулы, нас распустили до начала очередного сезона.

Я с нетерпением ждал вожделенной даты – двадцатого сентября. К этому времени должны были приобрести свежие комплекты инвентаря, и даже то, что они уйдут в группы к братьям, не огорчало, поскольку было понятно: лыжи, на которых они катались прошлой зимой, по большей части достанутся нам. Это было совсем не то, что пылилось у нас в кладовке, а совершенно иной более значимый уровень. К тому же один из лучших комплектов, которые перейдут по наследству, вероятнее всего, достанется мне. Я уже представлял себя на горе с новыми лыжами, и от одной мысли об этом мое сердце билось быстрей.

Это была единственная спортивная секция во Дворце культуры. Она занимала небольшое помещение на третьем этаже данного учреждения. Нехитрые апартаменты состояли из проходного коридора, который по совместительству служил раздевалкой, и двух небольших тесных комнат: склада инвентаря и тренерской. Мы попадали туда по запасной лестнице, которая на плане эвакуации значилась аварийным выходом и спускалась на задний двор. Окон, как и надлежащей вентиляции, там не было, а постоянно открытая входная дверь слабо спасала от запаха мази для лыж и вони пота. Эти «ароматы» впитались во все.

Но это создавало неповторимую атмосферу, которую мы воспринимали как должное, как неотъемлемую часть тренировочного процесса. Запах, духота и полумрак были лишь фоном к нашим ежедневным усилиям, необходимым для будущих побед и свершений. Мы не замечали дискомфорта, хотя переодевались в тесноте коридора, при этом толкаясь локтями и спотыкаясь о сумки. Мы увлеклись этим спортом и горели желанием стать чемпионами. Я знал, что теперь буду ждать с нетерпением каждую зиму.

Сентябрьский сбор был общим для всех и носил организационный характер. Я слегка опоздал, и когда поднялся на нужный этаж, то увидел, что там яблоку негде упасть. Лестница вверх, площадка у входа и все помещения секции были похожи на большой муравейник. Те из ребят, кто остался на лестнице, чтобы не устраивать давку, безуспешно пыта-

лись оттуда хоть что-то услышать и рассмотреть. Вокруг было шумно и душно. В многоголосом гуле не представлялось возможным хоть что-то понять, однако читалось явное напряжение. Я взглядом отыскал знакомого парня и пробрался к нему, чтобы выяснить, что происходит.

– Привет, что здесь твориться? Где Валентиныч? – попытался я перекрыть шум, который нас окружал, и прокричал ему в самое ухо.

– Он на фиг повесился, – прилетело в ответ.

– Где? Здесь? – непроизвольно вылетело у меня изо рта, опередив ход моих мыслей.

При этом, когда суть его фразы все же проклюнулась, в моем замкнувшем мозгу, то возникла неисчислимая куча вопросов. Они промелькнули почти моментально: «В смысле? Когда? Как? Зачем? Что случилось и что теперь будет? А как же мои новые лыжи?..» – это было в моей голове, а вслух я лишь обронил:

– Бл…, звездец!!!

В глазах одногруппника мелькало не меньше вопросов. В них читалась неясность, что была у него на душе. Мы спустились на пару пролетов пониже, там было заметно спокойней. Он рассказал мне, что тренер, который успел нам понравиться всего за сезон, застукал свою милую женушку с каким-то чужим мужиком. В сердцах изрядно напился и вздернулся в гараже. Это стряслось еще в самом начале этого лета. Подробностей мой товарищ не знал, но было теперь безразлич-

но кто и как умудрился попасть в чужую постель.

Кроме того, он сообщил, что нового тренера не нашли и нашу группу распускают до лучших времен. Когда наступят те времена, не ведал никто. Братья принципиально с нашими не общались и сильно ругались, когда мои одногруппники начинали их донимать.

Было сложно принять то, что случилось. Внутри меня было непривычно безмолвно. От мира, который минуту назад был наполнен движеньем и красками, остались лишь декорации. Радужные горизонты моих ожиданий развеялись.

Задний двор, куда я спустился, сам того не заметив, представился мне с другой стороны: он вывернул наизнанку весь хлам и скопившийся мусор, который не убирали годами.

Осень закрыла небо серыми тучами и больно хлестала меня по щекам колючими шквалами промозглого ветра. Моросил мелкий дождь, но ливень был уже на подходе.

Я брел под дождем и механически двигал ногами. Мысли напрочь пропали из моей головы, зато эмоций витало так много, что справиться с ними я был не способен. Они застревали где-то внутри, замирая у самого выхода и разрывали мое сердце на части.

Дождь пропитал одежду насквозь, а холод проникал мне под кожу, но я их игнорировал. Меня затопило свинцово-серое неподвижное озеро, которое отразило в себе тяжесть нависшего неба. Где-то, за пределами моего настроения, жизнь продолжалась, но теперь представлялась чужой и бесконеч-

но далекой, словно я оказался в другом измерении, где все лишено яркого цвета и внятного звука. Время сгустилось. Каждый шаг казался бессмысленным, но вместе с тем был неизбежным.

Ветер вынуждал пожелтевшие листья и обрывки мокрой бумаги витать в хороводе, словно пытался забрать их с собой вместе с остатками недавнего прошлого. Я смотрел на этот бардак безразлично, но из души все еще что-то рвалось и хотело скорейшего выхода. Может, это была безысходность, а может туманность того, что теперь впереди.

***

Несколько следующих дней прошли в коматозе, хотя глобально все было как прежде. Я ел, пил, мылся, ходил на занятия и встречался с друзьями. Мне даже удалось пообщаться с главным из братьев в надежде, что он слышал о моих достижениях в прошлом сезоне. Я думал, что он снизойдет до меня и пригласит в свою группу. Но волшебства не случилось. Он посоветовал прийти через год: "Может, кто-то уйдет. Тогда будет место. Пока предложить ничего не могу".

Я шел из дворца после беседы и двигался в сторону нужной мне остановки вниз по главной улице нашего города. Она называлась «Центральная» и брала начало на перекрестке с дорогой, идущей через весь город с юга на север. Возле Дворца культуры поворачивала резко налево и, уходя в другой район, по пути меняла пару названий и делала несколь-

ко поворотов. С левой стороны к ней примыкал исторический центр и остатки частного сектора с небольшими домами, которые давно обветшали. С правой стороны располагалось несколько девятиэтажек, четыре из которых представляли собой типовые панельки. Они стояли под прямым углом к тротуару и не имели различий между собой. К каждой с торца пристроено большое нежилое крыло, где размещались различные магазины, предприятия службы быта и общепита.

Променад был шириной с автодорогу, вдоль которой тянулся. Между собой их разделяли только высокие узкие клумбы. Тротуар по своей компоновке[1] состоял их двух равных частей. Одна простиралась по краю той самой дороги и повторяла ее пологий уклон. Вторая шла ближе к домам, вдоль пристроек. Она со стороны походила на четыре огромных ступени, каждая с лестницей на конце, по которой можно было спуститься на очередную большую ступень. В длину эти части делила стена из крупных разномастных камней.

В какой-то момент до меня долетели аккорды гитары и хриплый голос, который пел смутно знакомую песню. Я повернулся на звук и увидел группу подростков у ниши возле входа в кафе, которое примостилось на одной из тех самых ступеней. Там стояла простая скамейка без спинки, на ней сидели трое незнакомых парней. В руках у них были ги-

[1] Компоновка — это размещение, взаимное расположение и структуризация отдельных частей, элементов или агрегатов в составе единого целого объекта.

тары, из которых они извлекали различные звуки, претендовавшие называться мелодией. Пацан, сидевший с правого края, не плохо сочетал игру на гитаре с вокалом. Хотя в ноты и в ритм они не всегда попадали, композиция в целом звучала неплохо. Кто-то из публики пританцовывал и пытался вместе с тем задавать частоту, шлепая по асфальту подошвой ботинка. Остальные зрители увлеченно двигали головами в заданном темпе. Общее восприятие обстановки чем-то цепляло и привлекало внимание к трио. Я встал и вслушался в нехитрую песню.

Их было девять: семь парней, включая трех гитаристов, и две девушки. На вид они были моими ровесниками. Одежда обычная, прически и манеры без пафоса. Макияж у девчонок нейтральный, неброский. Вели себя спокойно, без вызова. Не задевали прохожих, и те отвечали взаимностью.

Один из мальчишек обернулся, бросил на землю бычок, затушил его каблуком и засек меня краешком глаза. Я стоял внизу, посреди тротуара. Наши взгляды встретились, и мы сразу узнали друг друга. Это был мой одноклассник Серега Борисов. Высокий эффектный блондин с серыми, как дым его сигареты, глазами. Он помахал мне рукою и крикнул:

– Привет, – и жестом показал: «Поднимайся»

Так на ближайшие несколько лет я стал частью «Централки». Это был пятачок на Центральной улице возле лавки в нише рядом со входом в кафе. Но чаще его называли: «Бродвей»

***

Городские подростки по большей части кучковались по районному принципу. Это были в основном старшеклассники, студенты местного техникума и ПТУ, которые уже переросли детские игры, но еще не успели войти во взрослую жизнь. Район для них представлял собой не просто географический адрес, это их среда обитания, их компания, их образ жизни. Оказавшись в чужом квартале, можно было запросто схлопотать, если ты попал туда в неудачное время и

не являлся частью местной тусовки. В случае, если кто-то из пришлых попадал в поле зрения и у него был "неправильный" взгляд, это уже повод для разговора, а то и для драки. Никаких патрулей или специальных облав, конечно, никто не устраивал, однако пройти безнаказанно рядом с местом сбора дворовой шпаны было почти невозможно.

Те, кто не знал о местных разборках, не понимали, почему подростки с такой яростью защищают свою территорию, ведь учились они в одних школах, ходили в те же кинотеатры и клубы, а порой даже общались и дружили между собой. Но ребята относились к защите района серьезно: воспринимали это как незыблемый долг.

Бродвей представлял из себя нейтральную зону, островок безопасности. Возможно потому, что находился почти в центре города. Здесь было так принято: лояльно относились ко всем, независимо от того, где ты проживал. Сюда заглянуть мог любой, точно зная, что тебя не попросят уйти и не предъявят, что ты здесь не к месту. Иногда на Централке сходилось по двадцать и более человек, и многие из них даже не знали друг друга. На относительно регулярной основе это место посещали около пятнадцати индивидов. Но все вместе даже они вряд ли здесь хоть раз собирались, несмотря на то, что были отлично знакомы. Бродвей, словно живой организм, сам делал отбор и отторгал тех, кто был ему неугоден. Быдло, хамье и остальная разношерстная публика надолго не приживались – тусовка постоянно обновляла состав.

Это не было клубом по интересам. Здесь не устраивали тематических диспутов[2] и собраний по поводу. Не вели открыто фарцовку и не организовывали массовых пьянок. Однако каких-либо жестких ограничений тоже никто не навязывал. Например, кто-нибудь мог поставить мольберт и рисовать картину старого города, что простирался напротив через дорогу. Или провести весь вечер за чтением книги, присев на одну из ступенек широкой уличной лестницы, которую мы часто использовали вместо скамеек. Кто-то приносил с собою кассетник, и звучала музыка, пока батарейки тянули. Кто-то приходил с гитарой и устраивал экспромтный концерт, и такое случалось не редко. Это воспринимали как нечто абсолютно нормальное. Здесь было удобно назначить свидание, чтобы затем пойти погулять, собраться толпой перед походом в кино или на танцы. Заходили поболтать, покурить или в надежде встретить старых знакомых. Можно было сюда заглянуть, чтобы просто погрузиться в особую атмосферу Бродвея, молча посидеть и пропустить все, что здесь происходит, через себя.

Я и сам не заметил, как стал время от времени там появляться. Это случалось два-три раза в неделю, без какого-либо особого повода или цели. Меня никто не звал, я сам приходил. Непременно являлся туда, если дома было нечем заняться. Мне нравилась непринужденная, размеренная обста-

[2] Диспут — это публичный спор на научную, общественную или литературную тему.

новка этого места. Оно было по мне, и я стал там своим.

Выдалась неделя, когда на Бродвей я вообще не попал, потому что слегка приболел. Ближе к выходным, когда хворь отступила, я почувствовал, что мне не терпится ускользнуть от опеки домашних и поехать навестить своих новых знакомых. Это не было желание лишь бы время убить. На Централку хотелось, я испытывал в этом потребность. Меня тянуло туда как магнитом, я скучал.

Вечерами становилось прохладно, и на Бродвее народа собиралось все меньше. Мы появлялись там реже и расходились все раньше. Погода вносила свои коррективы. Зимой здесь и вовсе было трудно кого-то застать. Но та пятница выдалась на удивление теплой, не по сезону.

Вечера я дождался с трудом. Поспешно оделся, стремительно спустившись по лестнице, вышел из дома и направился в сторону автобусной остановки. Она была конечной и просматривалась издалека. Автобус еще не приехал, а значит, его надо ждать. Драгоценное время терять не хотелось, и я свернул на одну из тропинок, чтобы добраться пешком. Если автобус попадется навстречу, смогу догнать его на одной из следующих остановок.

Ходу пешком минут тридцать, но на автобусе ненамного быстрее: он делал большой крюк и останавливался примерно в десяти минутах ходьбы от заветного места. Погода располагала к прогулке, а желание побыстрее добраться ускоряло походку. На моей счастливой физиономии невольно расцве-

тала улыбка.

Когда я свернул у дворца направо вниз на Центральную улицу, увидел, что на нашем пятачке, который уже считал по-настоящему "нашим", собралась большая толпа. По всей вероятности, это была последняя возможность встретиться в этом году до наступления сильных морозов. Сегодня пришли почти все, кто считал себя хоть в какой-то степени причастным к этому месту.

На Бродвее было необычно шумно и многоголосо. Напротив лавки, на другой стороне тротуара, располагалась клумба с высоким бордюром, который нередко использовали как дополнительные места для сиденья. Там устроилась многолюдная группа, которая оживленно обсуждала кино, премьера которого стартовала недавно.

На лесенке вниз тоже было битком. Кто-то стоял, а кто-то сидел на ступеньках на сложенных в несколько раз картонных коробках, которые лежали стопкой у входа в уже закрытое на ночь кафе. Кто-то заранее позаботился и принес их в немалом количестве, позаимствовав на задворках продовольственных магазинов.

Достаточно громко, не особо экономя расход батареек, на одной из ступенек, почти у самого подножия лестницы, работал кассетник. Его динамики не справлялись с напором басов и натужно хрипели. Звучало что-то тяжелое, однако невозможно было понять, что именно он пытался озвучить.

Основная тусовка кипела у лавки. Оттуда доноси-

лись аккорды гитары и слегка различимый хрипловатый напев. Мелодию и исполнителя я здесь слышал впервые, но интонации показались неимоверно знакомыми. Возможность приблизиться и рассмотреть, кто поет, была нулевая, поэтому я решил сначала пройтись, поискать знакомые лица в толпе.

Вдоволь обсудив погоду, которая на прощание преподнесла нам приятный сюрприз, и убедившись, что за прошедшую неделю ничего интересного здесь не случилось, решил все же добраться до лавочки и утолить свое любопытство.

Я активно работал локтями и на ходу извинялся, но неуклонно продвигался вперед, пока не смог разглядеть гитарно-вокальное трио. Двух гитаристов я знал в лицо: они были завсегдатаями на Бродвее. Мне их представляли, но имен вспомнить не смог. Третий пел и играл. Им оказался никто иной, как Иваныч. Здесь я видел его первый раз. То, что он тут появился почему-то меня весьма поразило.

***

Он допел очередную песню, передал гитару следующему, кто пожелал музицировать, и направился прочь сквозь толпу, которая за ним опять плотно сомкнулась. Я окликнул Иваныча, но он меня не услышал, и мне пришлось отправиться за ним в след. Я догнал его через несколько метров и хлопнул слегка по плечу. Он остановился и так резко обернулся, что застиг меня врасплох, и я едва не налетел на него. Он попятился, шагнул назад правой ногой и слегка откло-

нился. Его руки сжались в кулаки и начали двигаться вверх. Витек почти принял защитную стойку, но застыл на пол пути.

– Серег, ты? – выдавил он с явно выраженным удивлением на лице.

– Нет, не я, – вырвалось у меня в тон ему.

– Привет, ты че здесь? – он расслабился и протянул мне руку.

– Я хотел тебя побить, но больно уж ты грозен, – попытался я пошутить и ответил на рукопожатие.

– Не надо меня бить. Не люблю я этого, – парировал он и улыбнулся.

– Умеешь ты убеждать. Благо я сговорчивый, – продолжил я в том же тоне.

Он хохотнул и легонько толкнул меня кулаком в плечо, как закадычного друга.

Раньше мы с ним пересекались только в школе и общались редко, лишь по необходимости. Перемены он обычно проводил с двумя курящими пацанами из нашего класса, а после уроков нам было не по пути, мы расходились по домам разными дорогами. Поэтому меня несколько удивило его панибратское отношение ко мне во время встречи этим вечером, но по выражению лица было видно, что он рад меня видеть. Мне тоже было приятно здесь с ним встретиться. За последнее время я несколько сблизился с некоторыми представителями местной тусовки, но все они были для меня но-

выми людьми, с которыми я прежде не был знаком. На их фоне Иваныч выглядел почти как родной. Еще был Борисов, но здесь я встречал его всего два раза, включая день моего первого появления на Бродвее.

Он достал из потрепанной пачки "Беломорину", явно привычным движением пальцев сложил мундштук[3] папиросы крестом, чиркнул спичкой и прикурил. Мне он не предложил, потому что знал, что я не курю.

Прежде мне уже доводилось курить. На каникулах, после пятого класса, меня сослали на лето в деревню. Там у бабушки был свой частный дом. Мы с троюродным братом, на год младше меня, пока его отец пьяный спал на диване, стащили пачку сигарет, торчавшую у него из кармана. Она была почти полной. При этом мы понимали, что, когда он проснется, вряд ли вспомнит о ней. Мы курили за сараем по одной сигаретине в день; затягивались, поочередно передавая окурок друг другу. На самом деле, курить нам не нравилось, мы постоянно давились дымом и кашляли. Важен был сам процесс: мы представляли себя большими и важными – персонажами крутого кино. Когда сигареты закончились, мы не искали возможность пополнить запас и впредь к этой теме не возвращались. После этого меня никогда не тянуло курить.

Мы с Иванычем, чтобы не напрягаться в попытках пере-

---

[3] Мундштук папиросы — пустая скрученная трубка из плотной бумаги или картона, которая является частью папиросы. Она не заполнена табаком и служит для удобства курения.

кричать тусовку, которая гудела, как пчелиный рой, немного отошли в сторону и разговорились. Выяснилось, что Витек здесь оказался случайно, когда возвращался домой с автобусной остановки. Он приехал от своей бабушки, которая проживала в моем районе. Иваныч часто проходил тут и раньше, поскольку жил в доме, к которому примыкала пристройка с нашей любимой нишей возле кафешки, но никогда не задерживался. Сегодня же его привлекло большое столпотворение, и он остановился послушать концерт гитаристов, поскольку сам любил играть на гитаре и петь.

Витькина мать несколько лет назад увезла всю семью в другой город, а до этого он почти с самого рождения жил у бабушки, буквально в нескольких пятиэтажках от меня, и ходил в школу в нашем районе. Когда же они вернулись обратно в наш город, его определили на учебу ближе к новому дому. В отличие от Иваныча, я всегда ходил в одну школу, независимо от того, где мы жили. А за пару лет мы сменили не меньше четырех адресов и уезжали все дальше от центра. Несмотря на это, переходить в другую я категорически не хотел. Дело было не в страхе перед новой школой, я просто любил свою. Теперь добираться до нее приходилось на автобусе, а затем еще немного пешком. Она находилась недалеко от Централки, буквально в пяти минутах ходьбы.

Вполне возможно, что когда-то в детстве мы с Иванычем пересекались, хотя и гуляли в разных компаниях. В более раннем возрасте, до отъезда, он обычно шлялся с местной

шпаной из неблагополучных семей и часто ввязывался во всякие неприятности. Однажды его даже едва не поставили на учет в милиции. Наша компашка тоже не отличалась особой дисциплиной и кротостью: и нас порой заносило. Но родительский контроль у нас был значительно строже, что, по всей видимости, не позволяло уйти в разнос.

Летом по субботам вся районная детвора непременно собиралась на большой спортивно-развлекательной площадке через дорогу от моего дома, чтобы посмотреть мультики и кино, которые показывал киномеханик Валера из Дворца культуры. На площадке находилась огромная веранда, к крыше которой крепили большой экран, почти как в кинотеатре. А напротив, располагались три десятка лавочек в несколько рядов и специальная подставка. На нее ставили кинопроектор, который Валера привозил вместе с экраном на небольшом грузовичке. Просмотры неизменно сопровождались множеством комментариев и дружным гоготом «в зале». Это действо не пропускали и отъявленные хулиганы, и прилежные дети. Многие взрослые то же были постоянными посетителями этих мероприятий. Киношка объединяла всех: возможно, и мы с Витьком там встречались.

В процессе общения с Иванычем, нашлись и общие знакомые, и воспоминания одних и тех же событий из детства. Мы ходили по одним и тем же улочкам и тропинкам нашего района и, может быть, даже не раз вместе гоняли мяч на баскетбольной площадке с асфальтовым покрытием, которая заме-

няла нам футбольное поле. Она почти никогда не пустовала, если только позволяла погода.

Народ, который начал понемногу расходиться по домам, напомнил нам, что уже поздний вечер и минут через пять, мы тоже направились каждый в свою сторону, хотя еще долго могли бы чесать языками.

***

Календарь позволял осени почудить еще какое-то время, но зима в этом году наступила неожиданно быстро и застелила наметами снега все, что попалось ей на пути. На дворе стало бело и ясно. Холодная красота наполняла субботний день призывом пойти погулять, встать на лыжи, двинуться в лес и рассекать лыжней нетронутую целину. Потом упасть на спину в пушистый сугроб и очуметь от переизбытка свежего морозного воздуха.

Но мне так и не удалось убедить себя выйти на улицу из уюта теплого дома. Тем более, что Борисов принес мне бобину с новым альбомом AC/DC, и у меня были планы послушать его погромче, пока никто не будет мешать. В последнее время мы с Серегой немного сблизились на музыкальной почве. Его старший брат Гоша, по паспорту Игорь, водил связи с московскими меломанами, и они писали ему музыку на бобины с импортного винила на очень приличной технике, которая выдавала чудесное качество звука. У Гоши была огромная фонотека с большим разнообразием жанров и

стилей. Кроме того, он немного подрабатывал: делал записи под заказ. Он никогда не давал свои катушки на вынос. Но иногда в халяву записывал на мои бобины что-нибудь свеженькое на свой вкус, когда удавалось застать его дома. Работал он сменами по два-три дня, а иногда где-нибудь зависал со своими многочисленными поклонницами. Как и младший брат, он был вполне привлекательным высоким блондином. Девушки не обделяли его своим интересом.

Моя музыкальная аппаратура была не очень высокого класса, но на мой примитивный слух ее хватало с лихвой, особенно если качество записи было на уровне. У большинства моих знакомых водилось что-нибудь кассетно-переносное, чтобы брать с собой и слушать на улице. Мне же нравилось наслаждаться музыкой дома, где не отвлекали посторонние звуки и прочие факторы. Я обычно крутил катушки и реже пластинки. Импортный винил был в дефиците и не по карману, но иногда и "Мелодия" выпускала что-нибудь любопытное. Когда появлялось что-то из новых подборок, неизменно находилась компания, чтобы послушать. Не упускали такой возможности Серега Борисов и два друга детства, живущие по соседству: Вовка Васин и Вовка Царев. Иногда еще кто-нибудь прибивался до кучи.

Сегодня я находился дома один, и это мне вполне подходило: смогу спокойно насладиться новинкой. Никто не попросит повторить композицию, которая ему вдруг резко понравилась, или перемотать ту, что не зашла. Я всегда про-

слушивал новый диск целиком, от начала и до конца, а только потом, если что-то пришлось мне по вкусу, находил еще раз, чтобы послушать повторно.

Я перемотал катушку с пленкой в начало, нажал «Пуск» и упивался забойными риффами[4] Ангуса Янга и хрипловатым голосом Брайана Джонсона, который заменил умершего вокалиста. Фанатом тяжелого рока я не был, хотя слушал его регулярно, и некоторые песни непременно ложились мне в ухо.

Этот диск меня зацепил. Я прослушал первую сторону и перемотал опять на начало, что со мною случилось впервые. Затем надел наушники и с наслаждением слушал по новой. Музыка затянула меня с головой, я притопывал ногами и покачивался в такт звучанию песен. Закрывал глаза и воображал себя с гитарой и микрофоном на сцене перед толпами зрителей, которые срывались в раж от моего исполнения. Я пел, а точнее выкрикивал в огромный зал незнакомые английские фразы, которые для меня ничего не значили, и азартно бренчал по струнам гитары, на которой никогда не играл и даже не пробовал.

Во мне зрело желание не просто слушать музыку, а научиться ее создавать и выражать через ноты свои чувства и мысли. Эта потребность формировалась внутри и разраста-

---

[4] Гитарный рифф — это короткая, запоминающаяся музыкальная фраза или последовательность аккордов на гитаре, которая повторяется на протяжении всей песни или ее части и задает ее главный ритмический и гармонический мотив.

лась все сильней с каждой песней, с каждым новым аккордом, который я слышал. Мне хотелось быстрей научиться воплощать в мелодии те эмоции, которые переполняли меня в тот момент, чтобы однажды разделить их с другими. Я уже представлял, как буду с гитарой в руках осваивать новые знания, экспериментировать со звучанием и постепенно искать собственный стиль. Это казалось делом непростым и далеким, но вместе с тем удивительно увлекательным и по-настоящему значимым.

Я прослушал катушку дважды и нажал кнопку «Стоп», когда понял, что у меня болят уши и трещит голова. Откинулся на спинку старого кресла, наслаждался тишиной вокруг и мелодиями, которые все еще продолжали звучать у меня на подкорке. Закрывал глаза и вновь видел себя на концерте перед обезумевшей публикой. Это ничуть не пугало, а завораживало и вдохновляло. Мне хотелось, чтобы это не заканчивалось никогда.

Впервые я ощутил, что помимо обыденных дел и обязанностей, можно жить ради чего-то более значимого, того, что дарит радость и окрыляет. Музыка стала не просто звуком, а путеводной звездой, которая указывает дорогу к признанию и славе.

Я еще долго сидел и вслушивался в себя и никак не мог расстаться с этим новым ощущением. Меня непреодолимо тянуло в этот мир: мир музыки, света и всеобщего внимания. Сердце у меня сжималось от желания стать музыкан-

том. Правда были проблемы: я не умел играть ни на одном музыкальном инструменте, никогда не пел и имел о нотах довольно поверхностное представление.

Следующую неделю я провел в терзаниях: мне надо было срочно научиться играть на гитаре. Для начала ее надо было где-то достать. Я лихорадочно пытался вспомнить, где она попадалась мне на глаза, в каком всеми забытом углу. На ней накопился слой пыли, она явно была не у дел. Этот образ навязчиво маячил у меня в голове. Он был расплывчат, никак не мог сформироваться в четкие очертания и мучал меня уже несколько дней. Потом я махнул рукой и решил, что пока у меня нет собственной гитары, буду искать иной способ достичь свой цели.

***

В одну из предновогодних учебных пятниц на большой перемене мне захотелось подышать свежим воздухом. Как только звонок возвестил об окончании урока, я вышел из класса и направился на первый этаж, чтобы выйти во двор. Когда проходил мимо буфета, где уже собралась приличная толпа страждущих жареных пирожков с повидлом и капустой, почувствовал, как кто-то придержал меня за руку.

– Подышать? – это был Иваныч, он тоже двигался в направлении выхода.

– Ага. И ты подышать?

– Типа того. Фофан лютует, третий день гоняет всех из

туалета курить на улицу, благо сегодня не так холодно, – отозвался он, упомянув нашего физрука, на которого иногда находило, и тот устраивал в туалете мальчишек облавы на курильщиков.

Не сказать, чтобы некурящая часть пацанов нашей школы сильно на него за это обижалась, так как аромат отходов человеческой жизнедеятельности, щедро присыпанные хлоркой, и без того не располагал к длительному пребыванию в туалете. Временами случалось, что в это небольшое помещение одновременно набивалось человек двадцать курящих, тогда войти туда без противогаза не представлялось возможным.

Мы вышли за школу, где уже дымило несколько парней. Поздоровались с ними и отошли в сторонку поболтать. Иваныч ловко прикурил папиросу, мастерски собрал дым в колечки и залихватски пустил их вверх.

– Да ты братец паровоз, – засмеялся я.

– Лучше пароход. Я больше море люблю. Наверно потому, что я его никогда не видел.

– Я видел два раза. У меня бабушка, мать отца, живет в Скадовске под Херсоном. Это на Украине, на берегу Черного моря. У нее есть небольшой частный домик прямо напротив входа на городской пляж. Я был там в семь лет, летом, перед первым классом. Из всего отдыха только запомнил, как мы с отцом выходили на обычной деревянной лодке далеко в море на рыбалку. Сильные волны и ветер ужасно раскачивали на-

шу хлипкую посудину, и я всю дорогу боялся, что мы перевернемся и утонем. Не знаю, удалось ли нам что-то поймать, но страшно мне было до усрачки. К счастью, обошлось. Второй раз попал на море, когда мать и две ее подруги поехали отдыхать в Крым и взяли меня с собой. Мне было десять. Я в первый день на пляже съел два мороженых и десять дней из четырнадцати провалялся с ангиной. Так что море я тоже люблю.

Мы засмеялись и потихоньку направились обратно, так

как Иваныч уже докурил, а просто гулять погода не располагала. Мы вошли в школу и неспешно двинули к классу.

– А ты еще где-нибудь был? – спросил он у меня.

– Еще был в деревне в Тверской области у второй бабушки, но это не в счет.

– А почему у бабушки, которая на море больше не ездил? Она умерла?

– Мать с отцом развелись, когда я учился в третьем классе. Он уехал на Украину, потом писал мне несколько раз, звал в гости, но я не ответил. Я обиделся на него, считал он нас бросил. Потом он перестал мне писать. Не знаю, где он сейчас и что с бабушкой.

– Прости, я не знал.

– Да не, нормально. А твои родители? – он задумался и как-то сразу погрустнел.

– Отца я никогда не знал, а мать – это отдельная долгая история. У нее четверо детей от четверых разных мужиков и ни одного мужа в наличии. У меня еще две сестры и брат.

Над самым ухом громогласно затрезвонил звонок, и мы ускорились, чтобы не опоздать на урок.

– Ладно, как-нибудь потом поболтаем.

Он сказал это с такой тоской в голосе, что я сразу же пожалел, что задал этот дурацкий вопрос про родителей. И с трудом смог состряпать сочувственную мину, которая со стороны наверняка выглядела отвратительно.

Все следующее занятие я просидел как на иголках. Меня

терзали угрызения совести. Я понимал, что рано или поздно мы непременно вернемся к этому разговору. Одновременно я осознавал, что Иванычу говорить об этом было непросто. Я пытался себя утешить тем, что все не так страшно и ему просто надо выговориться, поделиться тем, что накопилось. Я ничего не знал об этом человеке: как он живет, что делает и чем увлекается в свободное от школы время, с кем дружит и есть ли у него вообще друзья, которым можно довериться.

Я не собирался набиваться к нему в товарищи, но решил все же попробовать пообщаться с ним поближе. Мне нужен был повод. Сразу пришлось отвергнуть спорт, учебу и совместный поход в кино или на прогулку. Идея родилась неожиданно и поразила меня своей простотой и очевидностью. Я убивал всех зайцев сразу, а заодно и кроликов одним выстрелом. Я искренне порадовался за себя и был вполне собою доволен. Мои угрызения совести улетучились.

Я едва дождался звонка на перемену, встал из-за стола и метнулся в сторону Иваныча, не давая ему возможности выйти из класса. По-видимому, он не ожидал от меня такого маневра и немного опешил.

– Иваныч, а научи меня играть на гитаре. Ты же умеешь? Только у меня гитары нет, – выпалил я сходу и вставил в свою тираду неуместный вопрос, как будто никогда не видел, как он играет.

– Да запросто. Гитара у меня есть. Ты, если хочешь, приходи ко мне в выходные. Попробуем, – он развернулся и по-

шел к выходу.

После школы я стоял у центрального входа, который сегодня неожиданно для всех открыли, хотя обычно это делали лишь по большим праздникам. Я дождался Виктора, и мы с ним договорились встретиться в субботу в шесть вечера у него дома. Он назвал мне подъезд, этаж и номер квартиры. Дом я уже знал. Мы попрощались и разошлись в разные стороны.

***

Наша школа располагалась в очень старом, потрепанном временем здании дореволюционной постройки. Она была совсем небольшой и вовсе не современной. Но в ней было что-то камерное и очень домашнее. Все знали друг друга в лицо, и редко случались какие-либо серьезные катаклизмы, которые связаны с раздорами между учениками. Находилась она в самом центре города, в его исторической части, в шаговой доступности от самых значимых объектов культуры, крупных торговых точек и злачных мест.

По дороге на остановку, когда я проходил мимо продуктового магазина, известного в народе как "Первый", мне пришла мысль, что ходить в гости с пустыми руками не очень прилично. Я пошарил по карманам и наскреб пригоршню мелочи - остаток от денег, которые выдавала мне мать на школьные перекусы и проезд на автобусе. Я пересчитал кругляшки на ладони и понял, что мне вполне хватает на ка-

кие-нибудь сладости к чаю. Магазинные полки не перегружали взгляд изобилием, но и я не страдал от переизбытка финансов. Мы с этими полками были в полной гармонии. Смешливая продавщица в когда-то белом халате скрутила кулек из коричневой упаковочной бумаги, насыпала в него несколько горстей конфет, на которые я указал, и нагрузила этим весы. Докинула еще несколько штук для нужного веса и вынесла свой вердикт. Я расплатился. Она пересчитала мои медяки, широко улыбнулась и дежурно сострила:

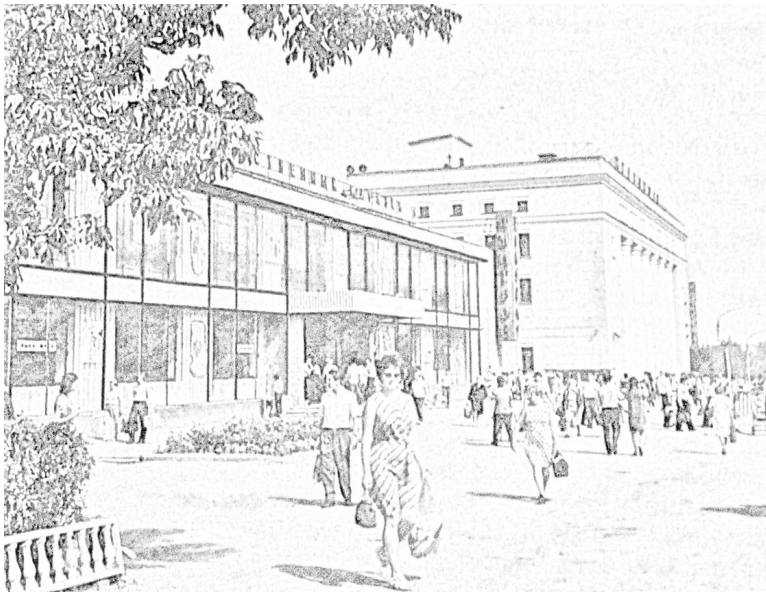
– Смотри, чтоб не слиплось.

– Мне не страшно. У меня дома тазик есть. Если что, размочу, – не менее дежурно парировал я.

– Шутник?

– Ага. В цирковом на клоуна учусь.

На том и разошлись.

Я вышел на крыльцо магазина и издалека увидел, как от остановки отъезжает мой автобус, но бежать не было смысла: не успевал. Автобусы ходили не часто, а в моем направлении их и вовсе можно было посчитать по пальцам. Пешком идти по разбитым тротуарам, где снег подтаял от смеси соли и песка, тоже желания не возникало. Поэтому мне пришлось тащиться на остановку и ждать следующего нужного рейса. Ожидание затянулось больше чем на полчаса. Я замерз как собака, и когда добрался до дома, первым делом

метнулся на кухню поставить на плиту разогреваться обед. В то время, как чугунная сковородка шкворчала котлетами и картошкой, я пошел переодеться в домашнее.

***

На журнальном столике рядом с магнитофоном лежала записка: "Придешь со школы, поешь. Потом отнеси тете Шуре мясорубку. Она в синей сумке на ручке кухонной двери. Целую. Мама". Тетя Шура – родная сестра моей матери. У нее дочка Ирина, старше меня на семь лет, и муж Иван Антонович, отчим Иринки. Они жили в соседнем доме, на одной лестничной площадке с Васиным и Царевым. Я раньше нередко бывал там, но в последнее время мы с ребятами встречались в основном у меня, и притом не особенно часто. К тетке мы ходили только по праздникам, поздравить и посидеть за столом.

Я набил пузо простыми домашними яствами[5], переоделся, взял, как было велено, синюю сумку и отправился к тетке. Так же решил использовать случай и заглянуть к пацанам. Почему-то каждый раз, когда я входил в их подъезд, на меня накатывала ностальгия. Еще совсем недавно я проводил здесь уйму своего свободного времени. Когда у Вовок дома были родители, мы, чтобы им не мешать, часами сидели в подъезде на подоконнике у небольшого окна и играли в свои

[5] Яства —это вкусная, изысканная еда или кушанья, обычно подаваемые на праздничный или богатый стол.

немудреные игры, общались бог весть о чем и наблюдали за тем, что происходит внизу во дворе. Это было наше окно в большой мир. Зачастую в этом подъезде я находился чаще, чем дома. Теперь это время безвозвратно ушло, словно кто-то щелкнул рубильником и выключил детство, разогнав нас по разным углам.

Тетя Шура запеленговала[6] меня из кухни, когда я был на подходе к их дому и пока поднимался на нужный этаж, она уже открыла дверь и ждала в коридоре.

– Привет, совсем нас забыл. Скоро встречу тебя на улице и не узнаю. Племяш, растешь как на дрожжах, уже выше меня вымахал, – вывалила она на меня свои претензии кучей.

– Я на минутку, хотел еще к Вовкам зайти.

– Вовки твои разбежались. Один больше часа назад, другой минут пятнадцать как. Заходи давай, оболтус, без разговоров. Сто лет тебя не видела. Я пироги пеку. Ты такие любишь.

Несмотря на то, что ко мне она всегда относилась с теплом и по-родственному, характер был у нее будь здоров: под горячую руку лучше не попадать. Тетка умела настоять на своем и поставить любого на место. Соседи и коллеги ее уважали и прислушивались к тому, что она говорит.

Я знал, что спорить бесполезно, поэтому снял верхнюю

---

[6] Пеленговать — это определять местонахождение объекта или направление на него с помощью измерения угла (пеленга) между северным направлением меридиана и линией до этого объекта.

одежду и прошел на кухню, откуда доносились соблазнительные ароматы свежей выпечки и ванили. У меня еще не переварился недавний обед, но было ясно, что удержаться от угощения не смогу.

– С чем плюшки? – проявил я интерес.

– Картошка-яйцо-зеленый лук, творог, яблочное пюре и сливовое повидло на выбор.

– Можно яблочного?

– Ты смотри аккуратнее, горячие еще. Только достала. Язык не обожги, – она ткнула в одну из кучек с румяными пирогами.

– По какому поводу вкуснятина? Гости или праздник какой? Или все в одном флаконе?

– Я в отпуске. Мои кто где целый день. Скучно дома одной. Решила их побаловать.

– Понятно. Отпуск – это хорошо.

– Зимой – так себе. Летом хоть на даче можно делами позанимать и отдохнуть заодно. В деревянном доме спится совсем по-другому, не то что в бетоне, и опять же, на свежем воздухе целый день.

– Знаю я ваш отдых. После вашего отдыха еще двойной отпуск нужен, чтобы от отдыха отдохнуть.

– Сам знаешь, приходится все самим. Чай не ба́ре[7]. Сво-

[7] Чай не ба́ре — это разговорное выражение, означающее «не графья, не избалованные люди, могут сделать что-то сами или перетерпеть неудобства». Слово «чай» здесь используется в значении «ведь», «пожалуй» или «наверное».

ими руками в два раза вкусней и без химикатов. К тому же зимой не надо метаться – и картошка своя, и соленья-варенья, - она развела в стороны белые от муки руки, как бы констатировала непреложный факт[8].

Мы еще поболтали минут двадцать о том о сем, и я начал потихоньку собираться домой и уже одевался в коридоре, когда тетка вынесла обратно мою синюю сумку:

– Я вам тут пирожков и варенья положила. Мать твоя не любит, сам поешь с чайком.

– Спасибо, я всегда только за.

Я начал медленно поворачиваться к входной двери и боковым зрением заметил часть той навязчивой картинки, которую никак не мог воссоздать в памяти несколько дней. В дверном проеме комнаты был виден кусочек монументального румынского мебельного гарнитура, который был куплен по великому блату пару лет назад.

– Теть Шур, а у вас случайно в том углу за гарнитуром не завалялась гитара? – ткнул я пальцем в сторону комнаты с открытой дверью.

– А ты умеешь играть?

– Блин, вы вроде русская, а все туда же – вопросом на вопрос. Не умею, но страсть как хочу научится.

Она с улыбкой глянула на меня, затем повернулась и направилась в комнату. Спустя несколько секунд появилась с

---

[8] Непреложный факт — это абсолютное, неоспоримое событие или явление, которое не подлежит сомнению, не может быть опровергнуто или изменено.

заветной гитарой в руках. Она молча прошла мимо меня и скрылась на кухне. В душе у меня все ликовало: я понимал, что вот-вот получу то, о чем так страстно мечтал. Между тем меня озадачил ее непонятный ее маневр. Я даже начал немного нервничать, но еще через пару минут тетка вновь была в коридоре:

– На, забирай, если надо. Я ее немного протерла. Стоит в углу уже двести лет, вся запылилась. Даже не помню, откуда она взялась в нашем доме. Давно хотела ее выкинуть, но было жалко. Наверное, она тебя дожидалась. Правда, на ней несколько струн порвались. Ну, разберешься.

Я все еще не верил своему счастью, но взял из теткиных рук гитару, по-быстрому распрощался и метнулся домой, при этом едва не забыл поблагодарить за подарок и угощенья. В квартиру ввалился запыхавшись, еле дышал. При этом даже не заметил, как добрался до дома и взлетел на четвертый этаж. Сбросил башмаки в коридоре, на ходу стянул пальто и прошел в свою комнату.

С замиранием сердца я повертел гитару в руках и внимательно со всех сторон осмотрел. По ней было видно, что, скорее всего, всю свою жизнь она служила элементом декора и вряд ли когда-либо использовалась как инструмент. Была как новая, без трещин и сколов на лаке, лишь порвались две струны, концы которых я запихнул в дырку в корпусе, чтобы было удобнее нести. Мою гитару несколько лет назад сделали в Иваново, о чем гласила наклейка внутри.

Я еще немного полюбовался своей красавицей, изобразил перед зеркалом рок-гитариста, несколько раз ударил пальцем по оставшимся струнам и убрал на шкаф, чтобы с ней, не дай бог, ничего не случилось.

***

Весь вечер и первую половину следующего дня я провел в мучительном ожидании встречи с Иванычем и в борьбе с желанием снять свою обнову со шкафа. К тому же я никак не мог окончательно решить, брать гитару с собой или пока придерживаться версии, что у меня ее нет. Ближе к шести вечера я умаялся от сомнений, устал физически и морально, взвесил все доводы за и против и все-таки решил взять гитару с собой. Я собрал в сверток конфеты и большую часть теткиных пирожков, оделся и отправился в путь.

Я стоял в автобусе с гитарой в руке и чувствовал себя чуть ли не избранным. Но держал ее так, чтобы скрыть проблему со струнами: не хотел чтобы кто-нибудь догадался, что на ней никогда не играли. Мне казалось, что все смотрят лишь на меня, причем с интересом. Временами по спине пробегала мелкая дрожь от собственной значимости. При этом я понимал, что окружающим совсем безразличен. Но это не мешало наслаждаться моментом.

Я вышел на нужной мне остановке и мог пойти коротким путем напрямик или сделать небольшой крюк и пройти через Централку. Мой выбор, конечно же, пал на Бродвей. Я видел вокруг сугробы и со стопроцентной гарантией знал, что там никого быть не может в такую погоду, но ноги несли меня туда сами.

Когда я шел мимо ниши, в ярких красках представил се-

бе, как мы с моей бесподобной гитарой сидим на заветной лавочке и одариваем местный бомонд своими шедеврами, а они внимают нам, наполняются трепетным пиететом[9] и просят исполнить на бис.

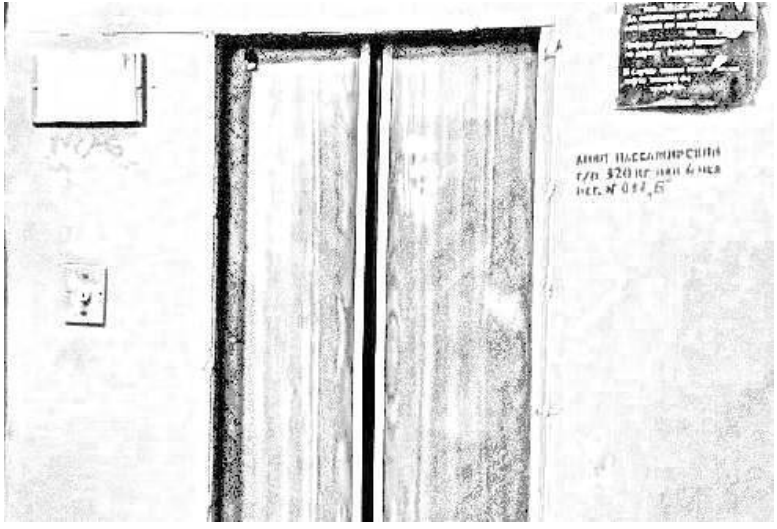
Я так замечтался, что едва не врезался в какую-то огромную тетку и, чтобы избежать столкновения, очень резко шарахнулся в сторону, поскользнулся и плюхнулся задницей на тротуар. При этом больно ударился копчиком при столкновении с обледеневшим асфальтом. Я сидел посреди пешеходной дорожки, высоко задрав руки со своею поклажей. От тепла приземленного тела подо мной таял снег, и штаны на пятой точке моментально промокли. Тем не менее, я спас гитару от неминуемой гибели.

Все произошло очень быстро и мне потребовалось какое-то время, чтобы прийти хоть немного в себя. Чары рассеялись – бомонд, который я представлял, улетучился. Руки у меня были заняты и мне пришлось приложить немало усилий чтобы снова встать на ноги. Я прижал к себе сверток рукою с гитарой, а освободившейся отряхнулся и продолжил свой путь. Мне было одновременно и смешно, и досадно. Я в красках представил, как уморительно выглядел, когда сидел в луже на заднице с поднятыми к небу руками. Это пробуждало улыбку, но вызывали сожаление обстоятельства, из-за которых я попал в такую глупую ситуацию.

---

[9] Пиетет — глубокое уважение, почтительное отношение к кому-либо, чему-либо.

Несмотря ни на что, мне удалось достичь подъезда, который мне обозначил Иваныч, и я уже стоял возле лифта. Меня не мучал страх небольших закрытых пространств, но я не питал доверия к механизмам, поломка которых могла обернуться печальным итогом.

Лифт относился именно к таким агрегатам. Не могу сказать, что я их боялся, однако испытывал беспокойство, находясь в этой тесной коробке, подвешенной на тросах в узком бетонном колодце. У меня замирало сердце, когда лифт, сотрясаясь всей своей хлипкой конструкцией, двигался вверх

и, издавая при этом жуткие звуки, все выше поднимал меня над землей. В такие минуты я вспоминал почти всегда бухого соседа, который работал лифтером.

Лифт в последний раз резко тряхнуло, и он на секунду затих. Затем со скрежетом разъехались двери и чудовище мне даровало свободу, отпустив на седьмом этаже. Я нашел дверь с номером двадцать восемь и нажал на звонок. Мое действие не возымело реакции на другом конце провода, который уходил вглубь квартиры от кнопки. Это слегка озадачило, и я принялся внимательнее изучать обстановку, которая меня окружала.

Лестничная площадка – ничего необычного. Пошарпанный пол с керамической плиткой, которой кое-где не хватало. Невзрачные грязно-зеленые стены, покрытые краской и серый от времени потолок. Три входные двери утеплили, обшив дерматином. И лишь нужная мне, сохранила себя с момента строительства дома в нетронутом виде. Здесь даже не было коврика возле входа. Но в этом не было ничего криминального. Скорее удивляло, что целых три двери были приличными и имели презентабельный вид.

Я прекратил свои безрезультатные изыскания и решил последний раз попробовать добиться отклика от звонка. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Тогда я не громко несколько раз стукнул костяшками пальцев чуть ниже дверного глазка. Прошла примерно минута, но за дверью по-прежнему не было слышно ни звука. Я уже начал поти-

хоньку подумывать, что напрасно приехал, и поднял руку для повторной попытки достучаться до обитателей квартиры номер двадцать восемь, когда дверь, противно скрипнув, открылась, и в проеме показалась заспанная физиономия Витьки. Он широко зевнул, посторонился и пропустил меня внутрь.

– Здоро́во. Что-то меня сморило, – он протянул мне руку.

– Привет, может, я не вовремя?

– Не, нормально. Я даже выспаться успел. Теперь буду пол ночи колобродить.

Пока я раздевался, успел бегло осмотреться вокруг. Вешалка с тумбой для обуви располагались слева от входа, справа ванная и туалет. Сразу за ними по правую руку небольшой коридорчик, ведущий на кухню, а дальше открытый вход в комнату. Еще одна дверь прямо напротив входной. Состояние у того, что я смог рассмотреть, было довольно плачевным. Зеленый линолеум изрядно потерт, обои с непонятным рисунком засалены и местами повисли клоками, беленый потолок такого же серого цвета, как тот, что в подъезде. Краску на дверях нужно давно подновить. Здесь вряд ли когда-то производили ремонт, а если и делали, то это было ужасно давно.

***

Иваныч пресек мои попытки снять обувь и пригласил проходить. Пока я шел за ним в комнату, которая располагалась

справа, заметил, что дверь со стеклянной вставкой, ведущая на кухню, плотно прикрыта. За ней смутно угадывалось какое-то движение, и доносились приглушенные голоса.

Комната, в которую мы вошли, была столь же убога, как и прихожая. Ее интерьер дополняли просиженный диван без покрывала и большая двуспальная кровать со спинками из хромированных металлических труб, которая была завалена грудой постельных принадлежностей. Они стояли друг против друга и занимали почти все пространство этой небольшой комнатенки.

– Я тут принес немного гостинцев к чаю, – неловко выдавил я из себя и протянул ему свой пакет.

– Ага. Спасибо. Там есть что в холодильник? – Спросил он, изучая содержимое пакета, – Похоже, что нет. Это хорошо.

Он поднял жалобно скрипнувшую сидушку дивана и сховал[10] в его недрах мое скромное подношение.

– Мелкие обещали зайти. Будут рады. Спасибо, – еще раз поблагодарил он.

– На здоровье!

Ни то, чтобы я рассчитывал на совместный ужин с чаепитием и поеданием моих гостинцев, однако меня немало озадачил его способ хранения продуктов.

– Если отнести на кухню, там все сметут за пять минут

[10] Сховал — это форма прошедшего времени мужского рода от глагола «сховать», что значит спрятать, убрать или схоронить.

халявщики-троглодиты – Иркины ухажеры. Это моя старшая сеструха. Они там бухают уже часа два, а закуси почти нет. Им этот пакет, что слону дробина: умнут и не почувствуют, – он, видимо, заметил вопросы, которые явно появились у меня на лице.

– Садись, – предложил он; указал на диван и протянул руку к моей гитаре.

– Ты, вроде, говорил, у тебя нету. У кого отнял? Какого-нибудь пионера обездолил? Или родственников раскулачил?

– Тетку родную по дороге на помойку перехватил. Еле успел.

– Поделишься ее маршрутом? Может, я тоже там подежурю.

Мы посмеялись, и он начал осмотр инструмента:

– Простенькая, но состояние не плохое. Классно, что она шестиструнная. Сейчас попробуем оживить и настроить.

– А какие еще бывают?

– Шестиструнка – это классическая и эстрадная. Семи – считается русская. Цыгане, как правило, на таких играют. Четырех – бас для ансамблей, но это обычно электрогитары. Еще бывает двенадцати, но это та же шести, только каждой струны по две штуки. Наверняка, еще какие-то есть, но я не слышал.

Одновременно с выдачей мне азов гитароведения, Иваныч вытащил из-под кровати огромный старинный чемодан

с блестящими накладками на углах и отломанными застежками на замках. Он открыл его и начал извлекать на свет божий всякую всячину, по большей части мне неведомого назначения, пока не докопался до мотка со струнами и какой-то небольшой железной штуковины в виде трубочки с «рыбьим хвостом».

– Лучше поменять все. У меня есть неплохой старенький комплект, а твои оставим про запас.

Я молча соглашался, кивал головой и наблюдал, как Иваныч со знанием дела приводил гитару в рабочее состояние.

– Ты вообще никогда в руках не держал? – Он кивнул на гитару.

– Полный ноль, абсолютный.

– Ясно. Это корпус – Иваныч похлопал ладонью, указывая куда надо смотреть, – он же резонатор[11]. Он состоит из верхней деки[12] и нижней деки. Боковая узкая часть – обечайка[13]. Сюда вставляются струны – это бридж[14]. Дальше вот

---

[11] Резонатор гитары — это полый корпус, который усиливает громкость и меняет тембр звука за счет колебаний струн. В обычной акустической гитаре роль резонатора выполняет весь деревянный корпус.

[12] Дека — Верхняя дека (топ): лицевая сторона корпуса, которая принимает на себя основную нагрузку от натяжения струн и отвечает за громкость, тембр и характер звучания гитары. На ней часто располагается резонаторное отверстие (голосник) и подставка (бридж). Нижняя дека: задняя стенка корпуса, которая отражает и перенаправляет звуковые волны внутри гитары, добавляя звучанию объема и глубины.

[13] Обечайка — это боковая изогнутая стенка корпуса, которая соединяет верхнюю и нижнюю деки.

это длинное – гриф[15]. Он состоит из основания с ровной накладкой, в которую вделаны металлические порожки. Их называют ладами. Эта планка с прорезями для струн – верхний порожек. Внутри грифа проходит стальной стержень – анкер. Выступ, которым гриф крепится к корпусу – пятка. Верхняя часть грифа – голова. На ней устанавливается колковая механика с шестеренками для натяжки и настройки струн. В целом это и все. Ничего мудреного.

– Фига ты профессор. Тебе можно преподавать. Откуда столь обширные познания? Учился?

– Учился. По вечерам во дворе. У нас пацаненок был, он три года жил с родителями в Латинской Америке и ходил в тамошнюю музыкалку обучаться игре на гитаре. Он даже там, у них, в заграницах, какие-то конкурсы выигрывал. У него мать музыкантша, консерваторию заканчивала по скрипке. Видимо, он в нее смышленый и руки откуда надо растут. И рассказчик был толковый. А когда играл, мы все сидели тихо и с открытыми ртами. Мне так никогда не научиться.

Он поменял струны, вставил «рыбий хвост»[16] в специаль-

---

[14] Бридж (или струнодержатель) — это металлическая или деревянная деталь на корпусе инструмента, которая удерживает струны и передает их колебания на деку.

[15] Гриф — это длинная деревянная часть инструмента, выступающая от корпуса, на которой музыкант зажимает струны, чтобы менять высоту звука.

[16] Гитарный ключ «рыбий хвост» (в гитарном сленге также известный как «русалка») — это специальный регулировочный ключ с квадратным отверстием и

ное отверстие на пятке грифа, пояснив, что это гитарный ключ и начал что-то им регулировать:

– Ключом регулируют расстояние от струн до ладов. Оно должно быть везде одинаковое, – он еще немного повозился с ключом и начал настройку, кратко объяснив суть, не вдаваясь в подробности.

Я никогда не учился музыке. Уроки в обычной школе, разумеется, не в счет. Но как-то на одном из музыкальных уроков училка вздумала проверить слух у каждого из учеников нашего класса. Она вызывала нас по очереди к фортепиано, нажимала пальцем на одну из клавиш, утверждая, что это "до", и требовала повторить звук голосом. Она давала несколько попыток, не прекращая тыкать в пианино. Это была еще та веселуха. Насмеялись мы от души. Нашлось всего несколько человек, кто смог одолеть эту задачу. Неожиданно для себя я оказался в их числе.

Теперь, когда Иваныч настраивал гитару, зажимая одну из струн на каком-то определенном ладу и пытаясь добиться одинакового звучания с предыдущей, я отчетливо улавливал тот момент, когда ему это удавалось. Было удивительно и по-настоящему интересно наблюдать, как во мне постепенно проклевывались первые зачатки новых знаний. Меня это вдохновляло, и от волнения даже слегка кружилась голова.

Мой наставник закончил отладку инструмента и известил

характерной формой, применявшейся в конструкции и ремонте старых советских гитар.

об этом, взяв на нем несколько незамысловатых аккордов. Выражение его лица показывало, что проделанной работой он остался доволен. Затем передал гитару мне, а из угла за кроватью достал свою, потрепанную, переделанную из семиструнной, и проверил ее настройку.

***

Все было готово к началу занятий. Но в этот самый момент из кухни, находившейся за стеной, раздались громкие крики и звон разбившегося стекла.

– Не лезь, чего бы не происходило. Все будет нормально, – его тон был категоричен. Он встал, положил гитару на спинку дивана и пошел разбираться.

– Может, все же помочь?

– Сказал же – не лезь!

Я услышал, как, хлопнув, закрылась дверь после того, как он ворвался на кухню. Там сразу стихли все звуки. Через несколько секунд до меня начали доноситься обрывки реплик Иваныча. Он скорее кричал, чем говорил. Полностью разобрать монолог, состоявший в основном из матерной лексики, не представлялось возможным. Но даже из того, что удавалось расслышать, становилось понятно, что происходящее вызывает у него недовольство. Тирада длилась пару минут без перерывов и пауз. Ее подхватил негромкий расплывчатый лепет нескольких голосов, перебивавших друг друга. Витек что-то крикнул и все опять замолчали. Больше не бы-

ло сказано ни единого слова. Кухонная дверь открылась и, шаркая обувью по немытому полу, кто-то направился в сторону выхода. Судя по звукам, доносившимся из подъезда, они не стали ждать лифта и отправились восвояси пешком.

В квартире воцарилась спокойная обстановка, лишь из кухни доносились редкие всхлипы, там кто-то плакал и вполголоса причитал.

– Вить, ну прости. Я не знала, что они такие ублюдки, –

явно нетрезвый молодой женский голос пытался взывать к Иванычу. – Мы только хотели немножко выпить. Не знаю, что на них нашло. Я сейчас все уберу. Они здесь больше не появятся. Я тебе обещаю, – продолжала она монолог, извлекая из себя плаксивые нотки.

По всей видимости, это и была та самая Ирина, которая приходилась Витьке старшей сестрой. Она еще какое-то время поголосила, принося свои извинения и тоже затихла. Иваныч больше не изрек ни единого слова, вышел из кухни и закрыл дверь за собой.

Когда он вернулся, лицо у него было белым, как полотно, а руки заметно дрожали. Глядя на него, было понятно, что с обучением на сегодня закончено. И хотя у меня подгорало, наседать на товарища в таком состоянии было ни к месту.

– Пожалуй, я пойду. Как-нибудь в другой раз попрактикуемся, – это была скорее констатация, чем предложение.

– Прости! Не знал, что она их сегодня притащит. Задолбали. Сил больше нет. Не знаю, как с ней еще бороться. Соседи ее уже сдавали ментам два раза. Мы с малышней насилу отвоевали. Хорошо, один и тот же следак был оба раза, и он адекватный. Но тоже сказал, что больше ее не простит. Отправит лечиться к алкоголикам в психбольницу. Она какое-то время держится, а потом опять все по новой. Еще этих упырей с собой привела.

– Может, я могу чем помочь?

– Спасибо, но… – он только развел руками и покачал го-

ловой, давая понять, что, мол, благодарен, но я ничем помочь не смогу.

Очень хотелось спросить, где их мать и младшие брат с сестрой. Но момент был не самый удачный.

– Ладно, я покатил.

– Давай. Еще раз прости. Гитару оставляй, чего ее таскать по морозу.

И, наверное, заметив сомнение в моих глазах, добавил:

– Не переживай, с ней будет все нормально. Отвечаю.

На том и расстались: я с несбывшимися ожиданиями и без гитары, Иваныч – с семейными проблемами и пьяной сестрой.

***

Каждый новый учебный день повторял предыдущий, почти не принося с собой ничего интересного. Чтобы безболезненно перейти в девятый класс, мне было достаточно уверенно завершать все четверти на "три" и "четыре". Что я и делал без особых усилий, не прикладывая к этому почти никакого труда. Первая половина учебного года неспешно подкатывалась к своему завершению, предваряя Новый год и каникулы.

Вне школы жизнь была не на много насыщенней. Остатки старого года и все зимние каникулы я каждый вечер проводил у Иваныча. В основном мы занимались моим обучением игре на гитаре, но при этом успевали поговорить. Он много

рассказывал мне про себя и семью, в которой он вырос, а я, в свою очередь, поделился с ним некоторыми эпизодами из своей биографии.

Как выяснилось, он на полтора года был старше меня. Во втором классе он сначала сломал ногу, упав с велосипеда, который украл в соседнем подъезде. Затем два раза подряд болел пневмонией. В результате больше половины школьной программы прошли мимо него. Учителя приняли принципиальное решение и не перевели его в третий класс, поэтому он снова пошел во второй. Мать никогда не следила как его дела в школе. Сам же он не проявлял особого интереса к знаниям и теперь не питал особых иллюзий относительно дальнейшего обучения. Собирался после восьмого класса поступать в ПТУ. Как ни странно, он был почти благодарен нашему классу за то равнодушие, которое мы к нему проявили. Витек ссылался на то, что не любит находиться в центре внимания, так как обычно оно оборачивалось для него негативом.

Старшая сестра Ирина, которую он никогда не называл иначе как "Ирка", была старше его на пять лет. С четырнадцати она редко бывала дома, появлялась набегами и опять исчезала. Примерно тогда же она стала пить и курить. У нее были не самые лучшие отношения с милицией и соседями. Но, как ни странно, последнее время она постоянно где-то работала. А все, что не уходило на выпивку, тратила на младших братьев с сестрой. Для них она была вместо матери. Хо-

тя Иваныч на нее сердился и фыркал, в целом, отзывался о ней с теплотой.

Младший брат Вова был моложе Иваныча на два года. Света, в свою очередь, была еще на год младше Володи. Они жили у бабушки в нашем районе и там же ходили в ближайшую школу. В этой квартире они появлялись нечасто и никогда не оставались здесь на ночь. Я их пока ни разу не видел.

Было заметно, что говорить о матери он не хочет. Он лишь упомянул, что она работала главным бухгалтером на очень крупном заводе в том месте, где они раньше жили. Ей затем предложили такую же должность в другом городе на еще более значимом предприятии. И она, сославшись на то, что на новом месте пока негде жить, перевезла их в эту трешку, которую уже давно получила как многодетная мать-одиночка. Раньше она использовала ее как склад, и в ней никто никогда не жил. Две большие комнаты запирала на ключ; там и сейчас склад. Третья, маленькая, теперь предназначена для детей. Ирка появляется здесь нечасто. Вовка со Светкой постоянно у бабушки, так что комната почти целиком в распоряжении Витьки. Мать лишь время от времени приезжает их навесить. Привозит гостинцы и небольшие запасы еды. Также немного денег на четверых, которые отдает Ирке.

Девушки у Иваныча не было и друзей на новом месте он пока не завел. Из близких товарищей у него были лишь сосед Мишка с пятого этажа – ну и я. Немного сблизился он и с нашим одноклассником Серегой Борисовым: они вместе

ходили курить.

Чем больше я о нем узнавал, тем сильнее я проникался симпатией к этому, на первый взгляд, неказистому парню с весьма непростою судьбой. За все время общения, он ни разу не выдал обиды на мать и на Ирку за их поведение. И ни в коей мере не жаловался на свою тяжелую жизнь. Он был рад тому, что имел. А в дальнейшем мог надеяться лишь на себя.

***

У меня никогда не было никаких романтических отношений с девчонками. Если находились общие интересы, то я их воспринимал как товарищей. Во всех остальных случаях они были для меня иноземными существами из странной галактики, где в почете банты, куклы, прыгалки, классики и прочая розовая атрибутика. Они даже одевались иначе и не понятно зачем разукрашивали разные части своего тела особыми красками, которые называли косметикой. Однако по мере того, как я рос и взрослел, менялось мое восприятие внешнего мира. Я стал отмечать, что и к девушкам, обитающим рядом со мной, постепенно начинал относиться иначе: у меня напрочь пропало желание дергать их за косички и задирать. С некоторыми из них мне теперь даже нравилось разговаривать и было приятно, когда они ко мне обращались.

Многие мои одноклассники и знакомые уже успели обзавестись подругами, с которыми ходили гулять, в кино и на танцы. Мне они казались людьми более продвинутыми и

серьезными, словно перешедшими на иной, более взрослый уровень. И к концу зимних каникул, совершенно обалдев от безделья и игры на гитаре, я пришел к выводу, что мне тоже необходимо найти себе подходящую пару. В моем желании не было ничего крамольного[17], я лишь хотел не отставать от своих сверстников.

Диапазон поиска подходящей кандидатки вполне ожидаемо сузился до одноклассниц. По памяти перебрав все варианты, я отсек почти всех, оставив лишь двух отличниц - Гальку и Наташку. Обе были достаточно привлекательны и неглупы. Но поскольку прежде я общался с ними лишь по учебе и вообще никогда не дружил с девчонками, то совершенно не представлял, с чего мне начать.

Разумеется, можно было бы пригласить одну из них на прогулку или в кино. Однако это предполагало довольно длительное нахождение рядом, к чему был пока не готов. Я полагал, что мне хватит пяти, максимум десяти минут общения, чтобы определить насколько верно был сделан мой выбор.

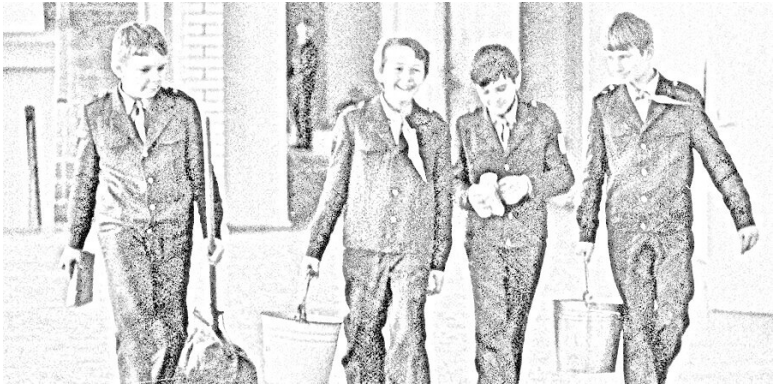
Подойти и просто начать разговор без всякого повода выглядело несуразно. Это я тоже отмёл, но подумал, что дежурство по классу – неплохая тема: не очень долго, никто не мешает и можно найти, о чем поболтать.

---

[17] Крамольный — это прилагательное, которое означает мятежный, бунтарский, а также нарушающий установленные порядки, запреты или общепринятые нормы.

На уборку класса после уроков обычно назначали разнополую пару: девчонки мыли и чистили, мальчишки таскали и двигали. Мне это вполне подходило. График дежурств составлялся на месяц вперед и висел возле классной доски. Мне оставалось лишь выяснить, когда дежурят мои конкурсантки, а как поменяться с их помощниками, я придумаю позже.

Галина и Наталья сидели за одной партой в соседнем ряду, прямо перед учительским столом. На уроках я видел лишь их затылки. На переменах они разбредались по разным углам, что ясно показывало отсутствие между ними какой-либо дружбы. Это было мне на руку. Если с одной из них пойдет что-то не так, вторая вряд ли об этом узнает.

В моем романтическом представлении отношений полов еще не сложился какой-либо привлекательный женский образ. Да и никакого опыта в подобных делах у меня не было, поэтому сравнивать было не с чем. Однако, если говорить откровенно, Галька мне нравилась больше. Она была смешливой и общительной, тогда как Наташка почти всегда оставалась серьезной и строгой. Внешность я особенно не оценивал. Они были для меня равнозначны, девчонки как девчонки: ноги, тело, голова, две руки. Вроде бы все на месте.

Я был настроен весьма серьезно, и мой первый день в школе после каникул начался с изучения заветного графика. Выяснилось, что Наталья и Галина дежурят едва ли не последними в этом месяце. Это означало, что у меня возникало почти две недели запаса по времени, которое можно было посвятить на изучение выбранных мною объектов, наблюдая за ними на расстоянии. Галька в списке дежурств значилась первой, а рядом с ее фамилией числился Иванов, и я сразу понял, что это удача. Решил, что на перемене непременно поговорю с ним о возможности поменяться дежурствами.

На короткой перемене Иваныч курить не ходил. После звонка я немного задержался, а когда вышел в коридор, то нашел его возле окна, направленного на школьный двор. Он стоял, задумчиво наблюдая, как трудовик чистит лопатой снег на крыльце мастерских, где у мальчишек проходили уроки труда.

– Привет! Чего задумался?

– Привет, старик! Как тебе Галька Майорова? – Спросил он смущенно, даже не повернувшись ко мне.

Но его смущения я не заметил, лишь услышал вопрос, который как плеткой хлестнул по ушам. И я растерялся. А Иваныч, почувствовав мое замешательство, вероятно, решил, что Галька в моей системе оценок: «не очень» и что мне неудобно ему об этом сказать.

– Не, но я понимаю, что она не кинозвезда. Как она тебе в общем? – попытался он мне помочь выйти из затруднительного положения.

– Да, ничего, – брякнул я и испортил все окончательно. – Ну-у-у, в целом, нормально, – добил я товарища, пытаясь заполнить неловкую паузу. Но лучше б молчал.

– Я хотел ее в кино пригласить, – это прозвучало почти как вопрос. И было мало похоже на утверждение.

Наконец, я решился посмотреть на него и, увидев, понял, насколько сильно я налажал. Вид у него был жалкий: он весь как-то скукожился, покраснел и стоял, понурив голову, глядя себе на ботинки. При этом переступал с ноги на ногу, что придавало облику еще больше сочувствия.

– Иваныч, да она нормальная девчонка. И учебу тебе поможет подтянуть, если что. Она же отличница, – сделал я попытку реабилитироваться.

– Считаешь? – с надеждой в голосе и во взгляде спросил он, подняв на меня глаза.

– Конечно, – я пытался произнести это уверенно и у меня

почти получилось.

Не думаю, что являлся для Витьки каким-то авторитетом в области покорения женских сердец. Скорее всего, Иванычу об этом больше не с кем было поговорить. И он выбрал меня. А я облажался.

Окончательно осознав, что весомая часть моих амурных планов летит в тартарары, я все же сумел обуздать свои чувства и переключился на помощь товарищу, попытавшись отвлечь его от моих несуразных реакций:

– Когда ты хочешь ее пригласить?

– Я ей после урока передал записку через Ольгу Бойченко. Теперь жду, что ответит. Если ответит.

– Ответит.

– Посмотрим.

Я попытался представить их рядом и не сумел. Они были слишком разными, словно сладкое и зеленое. Меня обуревали сомнения, что из этой затеи выйдет что-то толковое. Я бы не поставил и медного гроша на успех попыток Иваныча. Но, с другой стороны, было крайне трудно предугадать, как поведет себя Галька Майорова. Я даже не пытался вообразить, что у нее на уме. Мне было невозможно поставить на ее место себя.

При любом раскладе, в этой партии я уже потерпел поражение. Если, вопреки моим ожиданиям, у них что-то сложится, то, разумеется, я к Галине и близко не сунусь. Если Иваныча все же отбреют, что куда вероятнее, то в ближай-

шем обозримом будущем мне будет не комильфо[18] к ней подкатывать. Думаю, Иваныч этого не оценит.

Но еще оставалась карта помельче - Наташка.

***

Погрузившись в свои невеселые мысли, я направился в наш кабинет, оставив Иваныча страдать у окна. Я шел быстро, но настолько был увлечен ходом своих рассуждений, что, пытаясь протиснуться между партами, не заметил Шишпанову, шедшую по проходу между рядами, и со всего маху налетел на нее. Она не ожидала моей внезапной "атаки" и по инерции пролетела пару метров вперед, цепляясь за воздух руками. Падая, завалила стул и соседнюю парту, с которой все разлетелось по классу. Наташка с грохотом рухнула набок, приложившись головою об пол. При этом подол ее платья задрался так высоко, что выставил на всеобщий обзор ее трусы с малышовым рисунком в красный горошек.

От этой картины я мгновенно пришел в себя. Наклонился к ней и неловко попытался вернуть платье на место, дабы прикрыть ей белье и протянул свободную руку, чтобы помочь подняться. Все происходило как в замедленной съемке. Я видел, как ее ладонь двинулась мне навстречу, однако вместо моей руки, с громким шлепком прицельно приземлилась мне в щеку, оглушив меня на левое ухо.

Наташка, как напружиненная, резко вскочила. В глазах у

---

[18] Не комильфо — это что-то неприличное, неуместное, некрасивое или не соответствует правилам хорошего тона.

нее были слезы, которые текли по щекам кумачового[19] цвета. Она гневно зыркнула на меня и с протяжным ревом убежала из класса.

Это был тот момент, когда можно сказать: "время остановилось". Все вокруг меня замерло. И даже одним слышащим ухом я улавливал ту тишину, которая воцарилась. Прошло, должно быть, не меньше минуты, длившихся для меня бесконечно, прежде чем кто-то из одноклассниц побежал догонять Наташку. А я все так же стоял, абсолютно не понимая, что делать дальше: броситься вдогонку и попробовать извиниться или подойти с повинной позже, когда она успокоится и вернется.

Первым порывом было догнать и умолять о прощении. Но остатки здравого смысла отклонили этот позыв. Не было смысла даже пытаться, потому что она, скорее всего, уже скрылась в туалете девчонок, а мне нет туда хода. И ели б я все же ее и догнал, это закончилось бы еще одной оплеухой.

Мои сомнения развеял звонок с одновременно вошедшей физичкой. Начался урок, но мне было не до него. Наташка на него не пришла, и я еще сильнее начал переживать за нее, вспомнив как сильно она ударилась головой о пол. А на перемене Ольга Фокина унесла из класса ее портфель, и до конца дня я Шишпанову больше не видел.

Так всего за десяток минут все вопросы с моим обрете-

---

[19] Кумачовый — это прилагательное, которое означает ярко-красный цвет или то, что сделано из кумача (яркой хлопчатобумажной ткани).

нием близкой подруги разбились о нелепую череду обстоятельств. Я был подавлен.

Невеселые мысли о полном и окончательном фиаско моего гениального плана прервал Витька, сверкающий, как драгоценный камень на солнце. В его глазах поблескивал огонек, а в улыбке сквозила хитринка. Было явственно видно, что изнутри его распирает желание мне что-то поведать.

- Она согласилась! Мы сегодня вечером идем в кино, – выпалил он, едва мы вышли из класса после уроков.

Я никогда прежде не видел его таким возбужденным. Он буквально сиял и не мог успокоиться от восторга и предвкушения будущей встречи. И даже шел, слегка подпрыгивая и пританцовывая, в пол оборота повернувшись ко мне. Широко жестикулируя, он рассказывал как пойдет в парикмахерскую, во что нарядится вечером и что совершенно не знает, о чем с ней говорить. Было заметно: он очень сильно взволнован.

Я слушал его вполуха, стараясь при этом делать вид, что мне интересно. Разумеется, я был рад за него, хотя и испытал легкий шок от такого поворота сюжета. Однако мне было досадно, что мне нечем ответить, чтобы его поддержать и разделить эту радость. Потому что поделиться, по сути, мне было нечем. Он пропустил мое "выступление вышибалы", а сейчас ему было не до того. Я не стал разбавлять его эйфорию своими проблемами.

Наташка не появилась в школе и на следующий день, и до

конца той недели. Попытав девчонок из нашего класса, я выяснил, что у нее огромный синяк на лице от непредвиденной встречи со мной и с полом. Но в остальном все в порядке, если не считать изрядный моральный ущерб. Еще я узнал, что ее родители собирались прийти в школу на разборки, но она их отговорила. За что был искренне ей благодарен.

***

Иваныч тоже на следующий день в школу не пришел, а Галька была какой-то непривычно тихой и невеселой. Меня это несколько озадачило. Очевидно, вчера произошло что-то не очень хорошее. Мне не терпелось выяснить, что именно.

К концу пятого урока лимит моего терпения был превышен: я отпросился у Аннушки с последнего урока геометрии, сославшись на сильную головную боль, и почти бегом направился домой к Витьке.

Дверь мне открыла Ирка, которая, на удивление, была трезвая как стекло. Она стояла в проходе с дымящимся бычком в руке и оценивающе мерила меня взглядом. Не обнаружив во мне ничего для себя примечательного, спросила:

– Ты к Витьке?

– Ага.

– Заходи. Не разувайся. Он в комнате на диване валяется.

Она развернулась и ушла на кухню, закрыв туда дверь. Я прошел в комнату. На диване, лежа на боку и отвернувшись к стене, расположился Иваныч. Услышав, что я вошел, он по-

вернул голову в мою сторону и молча поприветствовал меня рукой.

– Здорово! Чего бока мнешь? Заболел?

Он молча сел на диван, и я заметил у него на левой щеке едва посиневший след от удара.

– Галька?

– Ага, – отследил он мой взгляд.

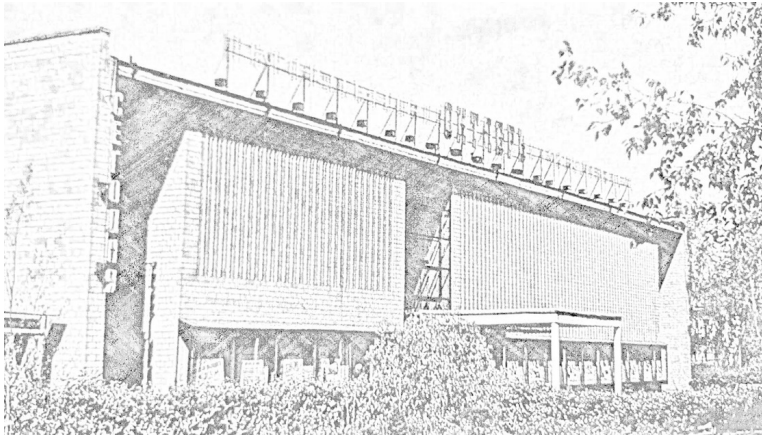
Голос у него был подавленным, однако на лице уже расцветала улыбка. Ведь на моей левой щеке была такая же отметина, но от руки Наташки.

Мы с ним заржали и долго не могли успокоиться, тыча друг в друга пальцами. Наконец, вдоволь насмеявшись, мы обменялись историями: я в красках рассказал ему о своей ненамеренной встрече с Шишпановой, после которой она совершила свой поистине великий полет, а я получил отметину на щеке. Он же поведал мне о своем неудачном свидании. Сначала оно развивалось прекрасно: он зашел за ней домой, и они поехали на автобусе в кинотеатр на просмотр нового фильма. Кино было так себе, и они ушли с половины сеанса. Потом не спеша прогулялись и, заглянув в кафетерий, съели по эклеру, запивая какао. Иваныч признался, что был поражен сам собой: он на этой встрече наговорил больше, чем за всю предыдущую жизнь. Его буквально несло, тогда как она больше слушала. Потом они долго стояли в ее подъезде. Именно там все и случилось: он попытался поцеловать ее на прощание, но в ответ получил по мордасам. А убегая вверх

по лестнице, она крикнула, чтобы он больше к ней не совался.

***

В школе все было как обычно. Учеба, как и прежде, шла своим чередом, с переменным успехом, отвлекая меня от безделья. Шишпанова, появившись в классе после недельного отсутствия, случившегося по моей вине, сказала, что не держит на меня зла, и добавила, чтобы я больше к ней никогда не приближался. Это было лучшее, на что мне приходилось рассчитывать после того, что случилось. У Витьки с Галькой тоже все закончилось, так и не успев начаться.

Почти все вечера после школы я опять торчал у Иваныча: мы либо музицировали, либо просто болтали. Иногда по выходным мы собирались у меня дома небольшой компанией послушать магнитофон или пластинки. Когда в кинотеатре крутили новый фильм, старались попасть на него в первый день на последний сеанс; и было особо козырно достать билеты на самый верхний ряд. Это стало чем-то вроде традиции.

Оставшийся кусок января, февраль и март, пролетели почти незаметно.

В начале апреля у меня день рождения. За несколько дней до него, я начал судорожно пытаться понять кого пригласить и как все устроить. Список претендентов получался не слишком большим - всего пять человек, включая меня: Иваныч, Борисов, Царев, Васин и я. В этом году день рождения удачно пришелся на субботу. Я рассчитывал, что утром мы посидим дома с родней, а затем, когда они разойдутся, примерно часов в шесть вечера, соберемся там же с ребятами. Однако моему идеальному замыслу не суждено было увенчаться успехом, все погибло под медным тазом. Но в итоге все сложилось даже лучше, чем я запланировал.

Все началось с того, что дядя Ваня находился в командировке и должен был вернуться только к вечеру воскресенья. Без него мне не хотелось садиться за стол, и мы решили перенести праздник с родней на понедельник, на время после моего возвращения из школы. Родные и мать меня поддер-

жали. Два Вовки, воспользовавшись возможностью поздравить меня в понедельник, собрались в субботу в Москву на спектакль. Они ехали своим классом.

Мне не хотелось тащить за стол с родней Иваныча и Борисова: Вовок мои знали с ранних лет, а они были никому не знакомы. Да и им самим за столом было бы не слишком комфортно. К тому же мы хотели без опаски быть застигнутыми врасплох, выпить немного вина и иметь возможность спокойно курить на балконе.

К моему счастью, выяснилось, что у Маринки Баевой, с которой встречался Борисов, день рождения на один день позже меня. Она собиралась отмечать его в воскресенье, но у нее тоже не смог собраться заранее намеченный коллектив, и она предложила собраться втроем: Серега, Маринка и ее подружка Ритка Суровегина.

Маринку и Ритку я немного знал по Бродвею - видел их несколько раз с Борисовым, даже удалось пообщаться немного. Они оставляли приятное впечатление - не нагоняли лишнего пафоса и с ними было приятно поговорить. Обе на год старше меня, жили в одном доме в соседних подъездах недалеко от Централки, дружили с детства и ходили в девятый класс.

Борисов был готов пробить тему, объединиться с девчонками и в воскресенье собраться всем вместе. Сказал, что без проблем может им предложить: они адекватные; скорее всего против на будут. К тому же Маринкины родители хотели

в субботу утром поздравить ее, а потом сразу уехать на дачу. Их не будет до вечера понедельника. На это время квартира в нашем в полном распоряжении. Еще он обещал, если этот план выгорит, попросить их найти третью подругу. Я был только за, а Иваныча в данной ситуации особо никто и не спрашивал.

Все завертелось в четверг, а уже в пятницу утром, когда мы все были в школе, Серега объявил, что девчонки не против. В воскресенье в четыре собираемся у Маринки. Они приготовят еду, а с нас выпивон, сигареты и музыка. Мы тоже распределили между собою обязанности: музыкальное оформление досталось Борисову, у него имелся кассетник и куча записей разной музыки. Иваныч брался достать выпивку и сигареты: попросит купить Ирку – она не откажет. Я же, как именинник, отвечал за финансовую поддержку проекта.

***

В воскресенье, ближе к обеду, мы собрались у Иваныча: он жил ближе всех к дому Маринки. Пацаны с порога поздравили меня с днем рождения и вручили подарки - классный перочинный нож, о котором я мечтал много лет, и флакон парфюма Wars польского производства. Я примерно представлял, сколько это стоит, но мне так понравились эти обновы, что не стал уточнять, где и как они их раздобыли.

На душе было немного нервозно, а до намеченной встречи еще была куча времени, поэтому я предложил выпить

немного для храбрости, чтобы снять стресс и обмыть нож с парфюмом. Ребята сразу меня поддержали.

Алкоголь я пробовал всего один раз: в конце прошлого учебного года. Мой одноклассник Антоха Латышев предложил мне распить с ним бутылку сухого вина, которую утащил у родителей на одной из домашних гулянок. Для меня это было весьма неожиданно. С Антоном мы никогда не дружили; каждый был сам по себе. По каким критериям для этой акции щедрости он выбрал меня, я не знаю, но не стал возражать. Мы выпили почти половину, а остальное бросили в урну. Вино нам совсем не понравилось: оно было кислым и ужасно вязало во рту. Не знаю какого результата мы ожидали, но реальный эффект оказался не очень. По итогу кислятина в горле и пошумело слегка в голове. На этом наша пьянка с Антохой закончилась.

Витек поскреб по сусекам и объявил, что у него есть четвертинка черного хлеба, а в холодильнике яйца и майонез. Найденные три яйца решили сварить в крутую, и Иваныч отправился на кухню готовить. Минут через десять он позвал нас к столу. Он сварил яйца, очистил их и разрезал на половинки. Оставшийся хлеб нарезал кусочками и все это удобрил хорошим слоем майонеза из банки. Это была катастрофа: меня оставили без закуски. Майонез я не ел никогда, никак, ни за какие коврижки. Он вызывал у меня рвотный рефлекс. Пока я размышлял о том, стоит ли попытаться отмыть пару половинок яиц от противного соуса, на столе появилась

бутылка, которую Иваныч достал из недр холодильника. Она отчасти отвлекла меня от сомнений, связанных с майонезом.

– А ты купил только водку? – подал я голос, уже заранее предполагая, что предстоящий вечер обещает быть томным.

– Я заказал Ирке четыре полусладкого вина и три водки. Одну бутылку вина пришлось отдать ей за работу. Я рассчитывал, что девчонки будут пить красненькое, а мы беленькую. Одну выпьем здесь, а две возьмем с собой, – улыбнулся Иваныч.

Он произнес это настолько непосредственно и от души, что сказанное показалось мне даже логичным. Борисов не выказал никакого удивления и недовольства происходящим, и я сделал вывод, что это заботит только меня. Была еще одна проблема. Раньше я вообще никогда не пробовал водку и не представлял, какая она на вкус.

Иваныч на правах хозяина стал разливающим. Рюмка была солидных размеров, но одна, а это предполагало, что пить мы будем по очереди. Быть первым вызвался Серый. Он залихватски, почти по-киношному, взял рюмку за тонкую ножку двумя пальцами, приподнял со словами: "Ну будем!" и ловко вылил в разинутый рот. А дальше, видимо, что-то пошло не по плану: сначала у него округлились глаза, потом водка попыталась вернуться обратно, но он смог ее побороть. Этот процесс повторился три раза, пока он ее проглотил окончательно. Потом он почти на ощупь схватил хлеб с майонезом, отправил пару кусков вслед за водкой и съел,

почти не жуя. Мы с Витьком сделали вид, что ничего не заметили, чтобы его не позорить.

Следующим предстояло пить мне. Созрела мысль попытаться это сделать без закуски, а если не получится, то постараться максимально снять майонез на другое яйцо и только тогда закусить. По примеру Борисова я взял рюмку за ножку, изрек: "Будем!" и, памятуя о недавно увиденной борьбе товарища с алкогольным напитком, вылил содержимое рюмки в рот и сразу же проглотил. Реакция не заставила себя ждать. Не прошло и секунды, как я понял, что если немедленно хоть что-то не съем, то вряд ли смогу не только водку в себе удержать, но и утренний завтрак выйдет наружу. Я схватил первую попавшеюся половинку яйца с майонезом и проглотил целиком, надеясь не почувствовать вкуса. Удивительно, но я даже не поперхнулся. А еще неожиданно оказалось, что это достаточно вкусно и плюсом моментально перебило ужасный вкус водки.

Поразмышлять над этой трансформацией моих вкусовых предпочтений мне не дал Иваныч. Он извлек из глубин своих познаний о традициях пития, что сами себе не наливают, и передал мне бутылку.

Иваныч как-то с опаской взялся одною рукою за рюмку, а второй прихватил пол яйца. Он сделал громкий выдох, молча залпом выпил и сразу же закусил. Похоже, именно этот маневр ему и помог не оконфузиться, как нам с Борисовым. Его только слегка передернуло. Я это фокус взял на заметку.

После не самой удачной попытки начать праздник, мы единогласно и быстро решили, что сделаем перерыв и, убрав все со стола в холодильник, пошли в комнату посидеть-поболтать.

После обмена несколькими фразами мне стало понятно, что не только меня зацепил алкоголь. Не скажу, что мы были прям пьяные, но выпитое хоть и слегка, но, увы, отразилось на нас. Точнее: на нашей дикции, что иногда прорывалось наружу. Нам было смешно, когда с кем-то из нас такое случалось, и мы веселились, беззлобно подтрунивая друг над другом. Потом Иваныч предложил сыграть в две гитары и спеть какую-то песню. Я согласился и мне в моменте казалось, что мы звучим как никогда идеально.

Без четверти четыре, сделав вид, что все забыли про то, что мы собирались выпить первую бутылку в квартире у Иваныча, мы, почти уже полностью протрезвев, выдвинулись в сторону дома Маринки. Вид у нас был примечательный, мы явно выделялись на фоне толпы. Все трое были одеты в самое парадное, аккуратно причесаны, излишне надушены и лыбились, как дураки. Посредине торжественно шел самый высокий из нас Серега Борисов, неся перед собой букет из трех роз в подарочном целлофане с орнаментом. По правую руку шествовал я, держа магнитофон на предплечье и сумку с кассетами в затекшей руке, а слева следовал Витька, мерно позвякивая алкоголем в увесистой сумке.

***

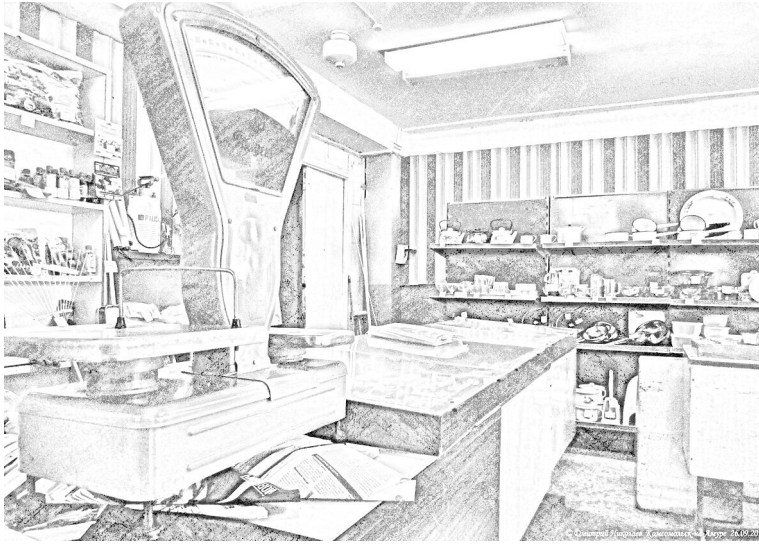
Когда мы вышли на Центральную улицу и проходили мимо хозмага, Иваныч остановился и вперился взглядом в витрину. Мы тоже с Серегой застыли на месте.

– Подарок! – почти крикнул Иваныч. И до меня дошло, почему он задержался именно здесь.

– А я вчера подарил – сказал нам Серега

– У меня только мелочь и рубль, я все, что было, отдал на спиртное и курево, – вслух вспомнил я.

– У меня еще кое-что осталось от твоих и своих. Есть немного. Пошли.

Мы зашли в магазин. В нем было безлюдно, лишь скучающая продавщица сидела за кассой и лузгала семечки в кулек из газеты. Она никак не отреагировала на наше пришествие, и мне пришлось проявить активность, чтобы привлечь ее внимание к нам:

– Здравствуйте! Помогите, пожалуйста: нам надо выбрать подарок для девушки шестнадцати лет.

Она нехотя отвлеклась от своего увлекательного занятия и исподлобья посмотрела на нас, задержав оценивающий взгляд на букете. Потом пошарила глазами по полупустым полкам своего магазина.

– Возьмите ту вазу. Точно лишней не будет, – тыкнула она пальцем в сторону симпатичной и хрупкой на вид керамической розовой вазы.

Мы с Иванычем одновременно повернули свои выражающие вопрос физиономии в сторону Борисова. Мы ему давали понять, что среди нас только он, как парень Маринки, может оценить достоинство этого лота. Он сделал вид, что на секунду задумался и затем кивнул утвердительно.

– Сколько стоит? – перешел я к следующему этапу выбора подарка.

Продавщица нехотя встала с высокого стула с мягкой сидушкой и, перевернув вазу, прочитала нам с ее дна:

– Три двадцать пять.

– Краем глаза я уловил, как Иваныч уже почти открыл рот, чтобы что-то сказать, но мне удалось моментально поймать и сильно сжать его руку, оборвав почти уже вырвавшийся возглас согласия.

– А если мы немного доплатим без чека, вы нам сможете ее культурно упаковать? – сразу же вставил я, пока Иваныч не передумал молчать.

Продавщица на минуту ушла в себя, взвешивая варианты и вспоминая. Когда накопала нужное в своей памяти, приняла решение и удалилась в подсобку. Долго там что-то двигала и чем-то гремела, но через несколько минут вернулась с вполне приличным куском красной бумаги в мелкий желтый цветочек.

– Еще рубль, – ничуть не смущаясь, посмотрела она на каждого из нас по порядку, ожидая ответа.

Иваныч теперь не спешил и сначала посмотрел на меня. И только после моего одобрения подтвердил ей, что мы готовы раскошелиться на указанную ею сумму.

Я забрал у Витьки сумку с бухлом, а в сумку с кассетами положили драгоценный подарок, и она досталась Иванычу. Пацаны заполучили все самое хрупкое и драгоценное, а я подрабатывал грузовым осликом.

Маринка жила в старой пятиэтажке из красного кирпича. Напротив общаги местного ПТУ, в котором готовили автомехаников и поваров. Дому было уже не мало лет, но на удивление, в подъезде было довольно чисто, даже несмотря на

весенний сезон, и чувствовалось, что здесь недавно был сделан ремонт. Даже запах краски еще не успел окончательно выветриться. Мы без каких-либо происшествий добрались до места, поднялись на второй этаж, и Борисов позвонил в нужную дверь, за которой громко звучал шлягер какой-то современной звезды советской эстрады.

– Открыто, заходите! – смогла перекричать музыку, судя по голосу, Маринка.

Мы вошли, и пока раздевались в небольшом коридорчике, к нам выскочила именинница. Она была нарядная и с «боевым» макияжем. Серега сказал: "Привет! Поздравляем!", вручил букет и поцеловал ее в губы. Мы тоже поздоровались. Борисов представил Иваныча, который немного покопавшись у себя в сумке, достал празднично упакованную вазу и торжественно вручил подарок Маринке. Мы чмокнулись в щеки, она нас поблагодарила за поздравления и пригласила пройти в кухню. Она представила нам Ритку, которую я уже знал, и Светлану, невысокую темноволосую девушку примерно нашего возраста с карими, как шоколад, глазами и выразительным крупным ртом. Потом перечислила нас поименно, в каждого тыкая пальцем и представляя девчонкам.

Серега по-хозяйски окинул накрытый закусками стол. Оставались штрихи. Он его оценил и неожиданно для всех предложил: "Давайте перетащим его в комнату, где балкон". Все посмотрели на Маринку. Она ни секунды не задумываясь, согласилась на предложение. Через десять минут мы уже

все сидели в небольшой светлой комнате за шикарным столом.

На Ритку я обратил внимание, когда увидел ее в первый раз на Централке. Она мне понравилась. Симпатичная, стройная, не прочь пошутить, остра на язык, за словом в карман не полезет. Умная и красивая - редкое сочетание.

Мы выпили по две рюмки с небольшим перерывом, благо они были раза в три меньше, чем давеча[20] у Иваныча дома. Поздравили меня и Маринку. Девичья часть коллектива подарила мне две пластинки: Армстронга и Эллингтона с Хокинсом, чему я был несказанно рад. Потом сидели, закусывали салатами и горячим, которые наготовили девчонки. Слушали музыку и трепались. Обстановка была непринужденная и душевная.

Заиграла медленная мелодия, и Борисов позвал Маринку на танец. Я пригласил Ритку, а Иваныч - Светлану. Ритка обвила рукой мою шею, а я обнял ее за талию, и мы неспешно покачивались в такт звучавшей музыке, переступая с ноги на ногу. Она была ко мне так близко, что даже через рубашку и джемпер я ощущал тепло ее тела. Эта близость была мне приятна. Мы негромко говорили о школе и Бродвее, о прошедшем лете и планах на будущее, о домашних трудностях и музыкальных пристрастиях. С ней было легко и интересно общаться.

---

[20] Давеча — это просторечное или устаревшее наречие, которое означает «недавно», «некоторое время тому назад» или «на днях».

Когда песня закончилась, она собралась выйти в подъезд покурить, и я напросился пойти вместе с ней за компанию. С нами больше никто не пошел, и мы остались вдвоем, продолжая болтать и смеяться. Я все больше увлекался беседой. Меня переполняли эмоции: слов уже не хватало, и я подкреплял свою речь выразительной мимикой и непроизвольными жестами. Ее обаяние уже начинало поглощать меня с головой, хотя я этого еще не успел осознать.

В какой-то момент она замолчала, лишь слушала и с вопросом в глазах наблюдала за моим монологом. Ритуля словно выпала из беседы. Я осекся на полуслове и тоже умолк, когда это заметил. Что-то было не так. Все вдруг изменилось: ее взгляд стал серьезным, а выражение лица напряженным.

– Не хочу давать тебе ложных надежд. Не вздумай влюбиться в меня. Ты замечательный, но я никогда не буду с тобой. Ты опоздал как минимум на полгода. Прости!

– Все нормально. Тебе не за что извиняться. Спасибо, что вовремя меня тормознула, а то я уже начал на тебя западать. Ты и правда мне очень нравишься, причем независимо от того какие у нас отношения. Мне с тобой хорошо. Я рад, что у нас появилась возможность общаться. А с девчонками мне по жизни не катит. Ты тут не причем.

– По жизни? – Она рассмеялась – Не смеши и не мели чепухи. Тебя что - каждый день отшивает по десять девчонок? У тебя все в порядке, просто звезды сейчас сложились не очень удачно. Жизнь еще вся впереди. Уверена, у тебя

не будет проблем в этом плане. Отношений будет столько, сколько захочешь. Поверь мне, я в этом кое-что понимаю. Я и сама была бы не против, но, как и сказала, ты чуть-чуть опоздал.

Мы еще почти час стояли в подъезде, трепались, она часто курила. А когда уже собирались вернуться, она пристально посмотрела мне в глаза и спросила:

– Никому не расскажешь?

– Я умею хранить секреты.

– Мы с Борисовым уже почти полгода тайно встречаемся за спиной Маринки и никак не можем ей в этом признаться. Это ее уничтожит. Я потеряю ее. А ведь мы дружим с самого раннего детства. Она мне почти как родная сестра. Мы еще вместе ходили в одни ясли и сидели рядом на горшках. И его она тоже безумно любит. Я не могу так с ней поступить, но и его оставить не в силах. Ты даже не представляешь, как мне тяжело. Прости, что вывалила все на тебя, но я больше не могла держать это в себе. Только, пожалуйста, никому не говори. Кроме тебя об этом не знает никто.

Я был ошарашен. Я даже подумать не мог о таком повороте сюжета. Как я не заметил такой драмы у себя перед носом? Треугольник Серега-Маринка-Ритка меня подкосил. Я с трудом смог собраться:

– Вряд ли я смогу хоть как-то тебя утешить. Если честно, я даже не знаю, что на это сказать. У меня нет опыта в подобных делах. Мне искренне жаль, что у вас все происходит

именно так. Но рано или поздно ситуация все равно разрешится. Очевидно одно – чем раньше, тем лучше. Хотя я понимаю, что сам, наверное, тоже вряд ли смог бы взять и сказать все как есть. Мне правда жаль.

Она была готова расплакаться, но сдержалась. И мы пошли обратно в квартиру.

***

В квартире за это время произошли перемены. В коридоре нам попался одетый и порядочно пьяный Иваныч. Я спросил его:

– Ты куда?

– Надо проветриться. Пойду прогуляюсь.

Он застегнул куртку и вышел за дверь. В комнате на диване, сладко посапывая, спал Борисов, а пьяненькие Маринка со Светкой в районе его головы на полу убирали тряпками и газетами зловонную лужу с ассорти из закусок. Они переглядывались и загадочно похихикивали через плотно закрытые рты, а свободной рукой прикрывали носы. Ритуля кинулась помогать, а я удалился на кухню, чтобы им не мешать.

Минут через десять они завершили уборку и появились на кухне.

– Кавалер, выпить не хочешь? – спросила Ритка. И они засмеялись в голос, держась за животы.

Оказалось, что пока нас не было, остальная компания села за стол и четыре раза обращалась к спиртному. Девчон-

ки тянули вино, а ребята продолжали пить водку. Маринка уже после третьей предлагала прерваться на паузу, однако Иваныч ей возразил: "Еще по одной – и пойдем танцевать". Как выяснилось, "еще по одной" было лишним. Буквально через минуту Серега прилег на диван и его сразу стошнило. Он пытался что-то сказать в оправдание, но так и заснул, не успев объясниться. У Иваныча, которого, кстати, Светка уже успела отшить, при виде этой сцены тоже возникли позывы, но он их сдержал и решил выйти проветриться. Похоже, на этот вечер мы окончательно их потеряли.

Я произнес: "Пойдемте выпьем", и девчонки опять рассмеялись. Мы еще долго сидели вчетвером за накрытым столом: разговаривали, слушали музыку и время от времени выходили в коридор танцевать. Я находился в центре внимания и был нарасхват. Все медляки оказались моими. Такой расклад мне был по душе. Я знал, что у Ритки не возникнет претензий, но не стал подкатывать к Светке, несмотря на то, что она была симпатичной и изредка кидала в мою сторону призывные взгляды.

Когда я начал собираться домой, проснулся Серега. Вид у него был довольно помятый. Я предложил его проводить, но Маринка сказала, что он останется ночевать у нее, а девчонки еще посидят. Подружки жили в соседних подъездах, так что провожать никого не пришлось.

Мне не хотелось повторить судьбу моих нерадивых товарищей, поэтому после нашего перекура в подъезде, за остав-

шийся вечер я выпил лишь рюмку и чувствовал себя превосходно. До дома добрался без приключений и сразу завалился в постель.

***

Наступивший следом школьный понедельник не сулил ничего хорошего: планировалась контрольная по алгебре и разбор главных героев одного из значимых произведений великого советского классика на литературе. Поскольку классику я, как обычно, задвинул, а с алгеброй в целом все было не плохо, решение о прогуле оказалось вполне очевидным. Я, ударив звенящий будильник по голове, проспал до обеда, заранее зная, что моя соседка по парте мне не откажет и поможет состряпать справку "от матери".

Вечером пришли родственники и два Вовки. Мы чинно и мирно посидели за накрытым матерью и теткой столом. Мать подарила мне обалденную светло-синюю японскую куртку из болоньи с множеством железных молний и всевозможных карманов. О такой я даже не грезил. А родня осуществила

еще одну мою давнюю мечту, подарив складной велосипед "Десна". Конечно, это была не "Кама", которая была на порядок круче, но и этот подарок был воистину превосходным. Вовки, зная о моем новом увлечении, скинулись и где-то раздобыли шикарный ремень для гитары: он был широкий и с орнаментом из металлических клепок по всей длине. И этот подарок оказался к месту. Мне даже налили целый фужер Советского шампанского, от которого я отпил половину и, прикинувшись мальчиком-паинькой, больше к нему не притронулся.

Вторник в школе выдался тихим и коротким, в четыре урока. Еще до первого звонка я успел пообщаться с «братьями-алкоголиками». Оба, хоть и скрепя сердцем, но признались, что употребляли спиртное, как и я в первый раз, в чем я тоже признался.

Иваныч смутно помнил тот вечер. Из обрывков, которые предоставила ему память, было понятно только то, что от Маринки он сразу пошел домой с твердым намерением лечь проспаться. Но возле своего подъезда встретил соседа Мишку и зачем-то похвастался, что у него в холодильнике есть выпить и закусить. Дальше провал, а следующий кадр - вчерашнее утро. Хорошо, что хоть дома. Вчерашние тарелка и бутылка оказались пустыми, зато под левым глазом появился огромный синяк. Сам он ничего не помнил, но Мишка сказал, что после второй Иваныч собрался и пошел на улицу "подышать". Сосед, когда на столе все закончилось, ушел

домой, так его и не дождавшись. От куда фингал и как оказался дома, осталось загадкой. В школе в понедельник, конечно же, не был.

Серега вчера утром проснулся на диване в Маринкиной комнате. И не сразу понял, где он и почему. Его сильно мутило, во рту пересохло. Ему было плохо, и в школу он ожидаемо не попал. Приходил в себя весь понедельник. Воскресный вечер он тоже не помнил. Мы поржали друг над другом и пошли на урок.

На большой перемене они собрались пойти покурить в проулок за школу. Я увязался за ними.

– Кстати, чуть не забыл, девчонки зовут в субботу на танцы в ДЭЗик, – сказал Борисов, упомянув дом культуры одного из городских заводов.

Я на танцах никогда не бывал и знал о них только то, что трезвыми туда мало кто ходит и там постоянно случаются драки. Почти ни одни танцы не проходили спокойно, несмотря на присутствие патруля и милиции. Судя по озадаченной физиономии Витьки, ему тоже там побывать не случалось, но он в курсе, что там происходит. Мы с ним обменялись взглядами, и я, пожав плечами, неуверенно выдавил из себя обреченно: «Пошли». Иваныч подтвердил свое согласие слабым кивком. Было без слов понятно, что нам страшновато, однако мы изо всех сил старались этого не показать. Выяснилось, что Серега, как и мы, собирался туда первый раз.

***

Остаток недели я мучился от сомнений, не притвориться ли мне больным. Однако от этой мысли пришлось отказаться, поскольку я понимал: даже если действительно заболею, мне все равно никто не поверит, и все решат, что испугался. А выглядеть трусом мне не хотелось.

Чтобы пресечь любые соблазны, договорились встретиться сразу у входа в ДК. И в субботу без пятнадцати восемь вечера я уже стоял в толпе в назначенном месте - трезвый, помытый, причесанный, надушенный и одетый в самое лучшее. Лишь новую куртку я не надел: мне было жаль испортить ее, если вдруг что-то пойдет не по плану.

Минут через десять пришли мои товарищи, а с ними и девчонки. Им было по пути, поэтому они явились все вместе. Пока я их ждал, ко мне подходили поздороваться двое наших одноклассников и трое знакомых ребят с Бродвея. В довольно многолюдной толпе перед клубом то и дело мелькали знакомые лица пацанов и девчонок. И мне стало значительно спокойнее.

Считалось, что если девушка идет на танцы с парнем, то он оплачивает вход. И поэтому мы с ребятами заранее скинулись по рублю на шесть билетов. А поскольку деньги почему-то хранились у меня, мне и досталась роль засланца в кассу. Пока я туда добирался и стоял в очереди, встретил еще несколько знакомых и окончательно успокоился.

Когда я вернулся с билетами, наша компания обросла еще десятком человек, из которых я знал лишь некоторых. Я по-

здоровался общим приветствием. Те, кто услышал меня и узнал, ответили мне тем же. Никто никого не знакомил, поскольку в этом не было особого смысла: вероятно, кто-то уже был знаком, а с кем-то, возможно, больше никогда в жизни не встретится.

Через огромные деревянные парадные двери ДК, когда они открывались, наружу прорывалась магнитофонная запись какого-то популярного эстрадного исполнителя, и было понятно, что танцы уже начались, да и время было четверть девятого. Однако почти никто не спешил входить внутрь. Все стояли кучками и общались, курили и время от времени по нескольку человек отходили в соседние заросли. Как выяснилось, "накатить". Это было что-то типа огромной Централки.

Здесь же, на площадке возле клуба, прямо напротив входа стоял "Жигуленок" шестой модели с надписью "Милиция" по бокам, в котором сидели два явно скучающих представителя органов исполнительной власти. Между группами молодежи ходили несколько взрослых мужчин с суровыми лицами и повязкой "Патруль" на руке.

Ближе к девяти вечера музыка стихла, и из-за дверей послышалась проверка звучания инструментов ВИА, словно перед концертом. Кто-то брал аккорды, а затем строил гитару, кто-то проверял громкость синтезатора, а кто-то стучал по барабанам, пока мужской голос тестировал микрофон.

Народ заметно оживился и начал неспешно двигаться в

сторону входа. Левая створка двери теперь была постоянно открыта, но процесс был не быстрым. При этом никто никуда не спешил, и даже когда зазвучала первая песня, мало что изменилось. Чем ближе к двери, тем плотнее становилась толпа. За дверью на входе в не особо просторное фойе стояла бабка-билетерша и, отрывая корешки от билетов, иногда достаточно громко повторяла одну и ту же мантру: "Билеты не теряем! Без билета потом не пущу! ".

По левую руку в фойе было два туалета – "М" и "Ж", а по правую – дверь "Директор" и три безымянные двери. Возле "МЖ" было весьма оживленно, и часть нашей компании тоже туда удалилась, а остальные прошли в большой зал, расположенный напротив центрального входа. В зале было почти что темно: лишь лучи прожекторов цветомузыки выхватывали из полумрака силуэты немногих людей на танцполе.

Справа находилась невысокая сцена, мне примерно по пояс. На ней стояли три волосатых гитариста, еще один сидел на ударных, и нелепая девчушка находилась за клавишами. Всем им было немного за двадцать. Бас-гитарист вел вокальную партию. Справлялись они вполне неплохо, несмотря на дрянную аппаратуру. В репертуаре у них были в основном более-менее свежие и популярные песни советского рока и современной эстрады.

К тому моменту, когда все наши вернулись из туалета, ансамбль уже затянул медленную композицию. Подсуетившаяся как раз вовремя Ритка, не дав мне опомниться, и какой-то девчонке меня пригласить, схватила мою руку и увлекла на танец в дальний от сцены угол. Я сразу понял, что ей есть что мне рассказать.

– Блин, все плохо, – сквозь оглушительный грохот музыки мне едва удавалось улавливать, что она говорит.

– Полная задница! Ты понравился Светке, но Маринка ей

сказала, что у тебя что-то наклевывается со мной. Она в это уверилась после нашей долгой отлучки в те выходные и твоих "красноречивых взглядов в мой адрес". Поэтому на правах моей лучшей подруги убедила Светку, чтобы та к нам не лезла. Ты Маринке симпатичен, и она считает, что мне надо обязательно с тобой закрутить, потому что "все, что было у меня до этого, – полный отстой". А из нас типа "получится офигенная пара". Меня она вообще не слушает, говорит, чтобы я открыла глаза и отключила мозг. Я не знаю, что делать. Все запуталось окончательно.

– Без меня меня женили. Оказывается, так и впрямь бывает. Ты теперь моя девушка? – попытался я докричаться до Ритки и пошутить.

– Думаю, Борисов не оценит.

– А мы ему не скажем. А для усиления интриги, я еще втихаря закручу с Маринкой.

Она, с одной стороны, отстранилась от меня правой рукой, другой, продолжая удерживать за шею, и, вперив в меня испепеляющий взгляд, достаточно больно двинула кулаком по моему плечу. Она пыталась казаться сердитой, но в ее глазах плясали веселые искорки. И она опять безнадежно повисла на мене, чтобы быть губами ближе к моему уху.

– Дурак! Чего веселишься? Думаешь, мне смешно?

– Ну, мне точно плакать не о чем – когда мне еще перепадет одновременно столько женского внимания. Я себя султаном чувствую.

Ответом мне послужил вполне ощутимый щипок ее пальцев между моих лопаток. Я даже вскрикнул.

– Ты меня хочешь убить?

– Да. Видимо, придется. Не вижу пока других вариантов, – она щипнула меня еще раз.

– Лишь бы это не вошло в привычку.

– К великому моему сожалению, убить тебя дважды не получится. Если только подольше растянуть первый, – и она наконец, рассмеялась.

Я осознавал, что ей было не до шуток, однако то, что удалось хотя бы ненадолго ее отвлечь, оказалось не самой плохой идеей. Несмотря ни на что, она улыбалась, и было заметно, что ее отпустило от тягостных мыслей. Я был этому несказанно рад. После воскресной вечеринки у меня возникло к ней некое непонятное пока чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.